

# ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

Т Е Н Ь   Л О Г О В А



# ШАГИ В ПУСТОТЕ

**Юлия Александровна Лавряшина**  
**Шаги в пустоте**  
Серия «Тень Логова», книга 2

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68801661](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801661)*

*Шаги в пустоте:  
ISBN 978-5-04-180899-0*

**Аннотация**

«Шаги в пустоте» – это увлекательный и динамичный детектив, расследование в котором ведут профи в своем деле Артур Логов и девочка-подросток, недавно потерявшая маму. Казалось бы, этих людей ничего не связывает, но они вытягивают друг друга из тьмы. Писательница Юлия Лавряшина перенесет читателей на живописные улочки Крыма и предложит им отыскать убийцу.

# Юлия Александровна Лавряшина Шаги в пустоте

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

\* \* \*

Собаку разбудил запах страха.

Приподняв голову, она приняхалась, потом заметила фигуры двоих людей, приближавшихся к скале, где она спряталась от жары под грубоватым каменным навесом. Издали трудно было различить, от кого из них исходил этот кисловатый душок, так раздражающий животных. Но чего-то боялся только один из двоих, в этом можно было не сомневаться – запах был определенным, не смешивался с другим.

Если б источающий его человек шел в одиночку, она, возможно, залаяла бы на него, но собаку остановило присутствие другого. Тот ничего не боялся и что-то говорил на ходу... Голос был веселым и ласковым, дворняга прислушалась и часто задышала от радости: так мог бы разговаривать с ней хозяин, если б до сих пор был жив...

Люди скрылись за кустами, отделявшими покатуЮ пло-

щадку на краю скалы, и собака тяжело опустила голову на лапы. Каждый раз воспоминания о хозяине отзывались тоской, от которой тянет завывать на луну. Только до ночи было еще далеко... Собака закрыла глаза, громко вздохнула и тут же уснула, ведь боль уже стала привычной.

Сколько прошло времени до того момента, когда вновь донесся тот неприятный запах, собака знать не могла. Вскинув голову, она проследила, как человек бежит мимо, издавая какие-то странные звуки. Но теперь ее не потянуло погнаться за ним, хоть того, веселого, которого она никогда не тронула бы, больше не было рядом. Почему-то ей самой стало не по себе, и хвост боязливо поджался.

Не издав ни звука, собака проводила убегающего человека взглядом. Потом бесшумно поднялась и бросилась в другую сторону.

\* \* \*

От этой поездки невозможно было ждать ничего хорошего. Радость от попытки вернуться в детство всегда обманчива, ведь там все уже не так – другие скамейки, незнакомые деревья... Вроде на своих местах, но как изменились! И пусть кажется, что все те же разнокалиберные сетки паутины зависли между лапами ели, балками старой беседки, но совсем иные воспоминания запутались в них. Чужие...

А в нашем случае никакой радости вообще не могло быть,

учитывая, какой груз мы везли с собой. Маленькая шкатулка Вселенской тяжести. И неважно, что мы с Артуром отправлялись к морю, куда я рвалась последние года три. Да нет, больше! У нас с мамой вечно не хватало на это денег, а просить у отца не хотелось обеим, и мы все откладывали, откладывали... Море же не может исчезнуть! Рано или поздно встретимся.

Так мы думали еще вечером накануне того дня, когда мою маму убили.

Недостижимой мечтой море тихонько плескалось в моем воображении, подпитанное картинками из детства: ноги тонут в песке, а волны подкрадываются одна за одной, как хитрые кошки, лижут мои коленки. На солнце вода была зеленоватой, цвета маминых глаз, и только ранним утром – прозрачно-голубой, как мои. Мы впитали море взглядами...

Сколько мне было? Лет семь? Кажется, я уже пошла в школу. Но этого я не помню, только море, его легкое дыхание, как у бунинской Оленьки Мещерской. Шторма не запомнились, может, при нас они не случались? Безмятежность, свобода, красота...

Один за другим вырастали кривобокие замки, которые все дети лепят из песка, я в этом ничем не отличалась от других. В ладонях остались поцелуи мокрых песчинок и ощущение гордости за созидание, которым я занималась. Еще рыхлый жгут ароматов остался в запаховой памяти: пронзительная свежесть моря и пряная сладость деревьев.

Мне годами хотелось вновь наполнить ими легкие, посеревшие от московского воздуха.

– Надышимся, Сашка! Накупаемся до одури! – мама чуть не затискала меня, когда мечта об этой поездке вдруг обрела реальные очертания, потому что в ее жизни появился Артур Логов.

Хоть его и не назовешь богатым человеком, он ведь следователь, а не топ-менеджер энергетической компании, как мой покойный отец, но Артур давно был одинок и не особо умел развлекаться, поэтому у него образовались накопления. Я не спрашивала, конечно, но это подразумевалось.

– Получишь аттестат, быстренько поступишь куда-нибудь, и рванем к морю, – у мамы сияли глаза, когда она говорила об этом.

Мне нравилось, что она не делает из окончания школы и выбора профессии грандиозной проблемы, не хватается за сердце при одной только мысли о ЕГЭ и не таскает домой репетиторов, отдавая последние гроши. И поэтому я тоже к весне не чувствовала себя изнуренной страхом, перегрузками и метаниями, как остальные выпускники. Если я и провалюсь на экзаменах в вуз, никакой катастрофы не случится. От этой мысли мои мышцы расслаблялись, в то время как мои одноклассники были закованы в жесткий корсет стресса.

Может, потому моя психика и выдержала обрушившееся на меня в мае? Своим радостным спокойствием мама напитала и меня, иначе я точно сломалась бы...

Я даже неплохо сдала все выпускные экзамены. Не на сто баллов, конечно, но результат вышел одним из лучших в школе – сама не поверила. Наверняка мама захлебнулась бы от восторга, ведь я была главной гордостью и любовью ее жизни. Только о моих успехах она уже не узнала...

Как не узнала и того, что я даже не попыталась пристроиться в какой-нибудь вуз.

– Забей, – беспечно посоветовал Артур, и я поняла, за что мама так любила его. – Не мотай себе нервы еще больше. В армию не заберут... Если не передумаешь, осенью я возьму тебя к себе помощницей. А к следующему лету уже соберешься с мыслями.

И я с радостью послушалась.

К тому же нам с ним предстояла печальная миссия, и она была важнее выбора будущего, захлебнувшегося маминой кровью, которая выплеснулась прямо из ее сердца на площадку нашего подъезда.

– Не думать! Не думать...

Сутками напролет я сражаюсь с непокорными мыслями, которые так и норовят напомнить о маминой смерти. Впрочем, я о ней и не забываю, ведь все в доме пропитано этой невероятной зеленоглазой женщиной с волосами цвета меда... Тепло ее красивых рук сохранилось в каждой вещице – в огромной сосновой шишке, которую мы привезли еще из прошлой поездки к морю; в расписной глиняной кукле, слеп-

ленной в детстве моей старшей сестрой Машкой; в смешном куске монтажной пены, похожем на улитку, который мы с мамой подобрали во дворе... В нашем доме полно всякого барахла, дороже которого не может быть ничего.

Возле ее кровати на тумбочке до сих пор сидит уродливый ангел, которого я соорудила из картона еще в детском саду. Тогда мы обе верили, что ему под силу защитить мою маму. Иногда я ложусь на мамину постель и смотрю ангелу в глаза: – Что ж ты...

Но чем виноват картонный малыш, если даже Артур не смог спасти женщину, которую так любил? А он из тех, кого называют настоящими мужчинами.

Артур не бросил меня, когда я осталась одна в целом мире, хотя пожениться они с мамой не успели и Логов не мог считаться моим отчимом. Но и я уже не была ребенком – в начале мая мне исполнилось восемнадцать, и совершеннолетие уравнило меня со всеми взрослыми, на которых я всегда посматривала с недоверием и опаской.

Мне предстояло жить в их мире, по их правилам, и я молилась только о том, чтобы Артуру не осточертело возиться со мной. Если из моей жизни исчезнет еще и он, я просто зависну в вакууме.

Но пока он держится и ничем не выдает того, что я утомила его своим присутствием. Хотя опыт общения с детьми у него начисто отсутствует, а я для него все же ребенок, к тому же и выгляжу лет на двенадцать... Ну, максимум на че-



тырнадцать. Может, к сорока годам он созрел до отцовства? А я все же не пачкаю пеленки и не плачу ночами. Точнее, он не слышит того, как я плачу в пустой квартире, живет-то он у себя.

– Выезжаем завтра, – объявил Артур утром, заявившись к завтраку с теплыми круассанами – обожаю их!

– В смысле завтра?!

Он аккуратно намазывал круассан маслом:

– А что тебя смущает?

– Надо же собраться...

– Так у тебя целый день на это! Поверь мне, на море ты все равно будешь носить только шорты и майку, ты и здесь-то из них не вылезашь... Так что возьми смену, все. Ну, понятное дело, белье, купальник...

– Понятное дело...

Расслышал он язвительные нотки?

Но Артура этим было не задеть, мама нас обоих называла «сибирские язвы», хотя ни он, ни я никакого отношения к Сибири не имели, я даже не была там никогда.

– Ты когда-нибудь был в Сибири?

Артур даже перестал жевать, но хоть не подавился.

– Эх тебя занесло... Был. В Кузбассе, в Томске, в Новосибирске... А что?

– Как ты там оказался?

– По работе, – коротко отозвался он, сосредоточенно глядя в чашку.

Там действительно плавала чайнка, просочилась как-то, но ясно, что ему просто не хотелось обсуждать со мной дела. И это меня задело...

– Ты же говорил, что мы теперь напарники!

Он устремил на меня удивленный взгляд:

– Те дела закрыты.

– Будут другие. Осенью ты обещал взять меня помощницей. Я была уверена, что мы вместе будем заниматься исследованиями... Ты отшиваешь меня?!

– Отшиваю? – Артур хохотнул. – Да ладно тебе, Сашка! Тебе всерьез хочется и дальше возиться в кровище?

Неужели он и впрямь не понимает? И мне придется разжевывать очевидное? Стараясь не отводить взгляда и даже не моргать, я проговорила медленно и отчетливо, точно обращалась к умственно отсталому:

– Мне необходимо чем-то занимать голову. Иначе я сойду с ума, потому что не могу думать ни о чем кроме... Ты знаешь.

– Я тоже, – неожиданно признался он, и лицо его дрогнуло, на миг став уродливым. Хотя мне казалось, его невозможно чем-то испортить...

– Тем более. Раз ты меня понимаешь...

Артур посмотрел на меня с надеждой и склонил голову набок, как пес, пытающийся угадать желание хозяина:

– А ты не можешь занять себя чем-то другим? Менее... жутким. Моя работа не из самых веселых, Сашка.

– У меня и жизнь не самая веселая, если ты заметил...

Минус на минус дает плюс.

Дернув бровями, он кивнул с серьезным видом:

– А ты заслуженно заработала свои девяносто баллов...

Или сколько там?

– По математике девяносто два. По русскому девяносто пять.

– Ну, неважно, – прервал он с беззаботностью, напомнившей мне мамину.

Все в мире напоминало мне о ней.

– Башка у тебя варит, – задумчиво проговорил он и вновь набил рот круассаном.

Я свой уже доела – ничто не может отбить мне аппетит, хотя во мне сорок пять кило... Теперь я просто потягивала чай, наблюдая за Артуром поверх чашки. Мой взгляд отвлекал его и от размышлений, и от еды, и легче было ответить мне поскорее, чем тянуть эту волюнку.

– Куда от тебя денешься, – буркнул он в итоге. – Будем работать, напарник! Но сначала – море.

И улыбнулся во весь рот. Иногда мне становится понятно, почему мама не устояла перед его улыбкой... Но это ничего не значит.

Самой значимой на сегодня для меня стала попытка понять: есть ли действительно что-нибудь *там*... Мы основываемся только на вере, и мне хочется думать, что мама со все-

ми ее фантазиями, мыслями, смехом и беспредельной любовью не исчезла без остатка – иначе зачем вообще она была? Зачем существую я? К чему это? Сейчас я размышляю, на что-то надеюсь, о чем-то мечтаю, и все это бессмысленно, раз будет стерто с лица Земли?

Мы все (ну почти все!) верим, что нет... Но вдруг человечество поколение за поколением обманывается – из страха перед смертью, от бессильного отчаяния, которое охватывает, стоит лишь на мгновение допустить мысль о конечности нашего существования? Если бы можно было *знать*! Наверняка. Не просто надеяться, но иметь уверенность, которая освободила бы от этого животного ужаса, подкрадывающегося ночами...

В такие минуты я шепчу:

– Пожалуйста, подай мне знак, что жизнь продолжается после смерти и я не пропаду бесследно... Пожалуйста!

Не знаю точно, к кому я обращаюсь – к Богу или к маме...

Только никто не откликается. Никаких сигналов из запретелья не приходит. И остается каждое утро накрепко сшивать обрывки веры, чтобы достало силы жить.

А следующей ночью опять:

– Пожалуйста! Ты слышишь меня?

\* \* \*

Сашка еще не знала, почему Артур вдруг так заторопился

с отъездом. В полдень, когда он дописывал отчет по очередному раскрытому убийству, на его мобильный позвонили.

– Юрка?! – поразился он. – Вот уж сколько лет, сколько зим... Ты дома, в Москве?

– Я дома. В Крыму, – ответил тот. – Я тут уже почти двадцать лет живу.

Голос в трубке звучал слишком напряженно для легкой болтовни. Да и неожиданность звонка настораживала. Не мог Юрка Колесниченко позвонить просто так после стольких лет молчания. Как его номер-то остался в телефонной книжке?

– Ну да, ну да. Я в курсе. Что-то случилось? – Артур решил не разыгрывать комедию, они же знают друг друга как облупленных – в детсаду на горшках рядом сидели.



Юра тоже не стал увиливать:

– Случилось, Артур. Пашка пропал.

Артур привычным жестом раскрыл блокнот, выцепил из стаканчика заточенный карандаш – ими его снабжала милая девушка из канцелярии. Думать, будто она рассчитывает на что-то, ему не хотелось.

– Когда ты с ним связывался в последний раз? Видел или созванивался?

– Сразу быка за рога, – пробормотал Колесниченко.

Артур нетерпеливо постучал карандашом по блокноту:

– А ты собирался за жизнь потрепаться?

– Нет. С неделю назад виделись... Теперь проклиная себя, что не уследил!

Пашка был его младшим братом. Из-за того, что их разделяло всего три года, он все время крутился рядом с ними. К средним классам Пашка уже прочно вошел в их компанию и стал общей головной болью, потому что постоянно влипал в разные неприятности. Малышом он то и дело терялся: однажды, засмотревшись, ушел следом за духовым оркестром во время городского праздника. Ротик приоткрыт, глаза сияют!

Его прозвали Колесом не столько по фамилии Колесниченко, сколько из-за того, что он постоянно норовил укатиться куда-то... Однажды Пашку привезли домой с хладокомбината: ему жизненно необходимо было увидеть, как делают мороженое, и начать производство в домашних условиях. Очень уж он любил его, а деньги их мама, тетя Тамара, выделяла редко. У самой вечно было в обрез...

Лет в десять его сняли с самолета – Пашка намеревался

улететь в Африку, чтобы стать диверсантом и срывать сафари: ему до слез было жалко львов и слонов. Им всем было жалко, но только Пашка попытался предпринять что-то, и Артур тогда долго не мог спать спокойно: малой решился, а ему даже в голову не пришло... Он понимал, что у Пашки ничего не вышло бы, но дело ведь было не в этом.

Подсознательно Артур ждал этого тревожного звонка от Юрки всю жизнь – рано или поздно Пашка должен был влипнуть по-крупному.

– Погоди паниковать, – попытался успокоить он. – Это ж Пашка... Его унесло куда-нибудь на Байконур, а ты с ума сходишь.

В недолгом молчании легко было расслышать сомнения. Но Юра ответил:

– Ты давно его не видел, он очень изменился. У него же семья...

– Ну да, не побезумствуешь, – поддержал Артур, а про себя подумал: «Но тот бешеный Пашка не мог исчезнуть бесследно...»

– Ты в каком месте в Крыму? – уточнил он.

– В Евпатории.

У Логова вырвалось:

– Почему?

– А что не так?

– Не знаю... Детский курорт. Я был уверен, что ты в каком-то серьезном городе. В Севастополе, например...

– А я в Евпатории, – в голосе Юрия зазвучали упрямые нотки – он готов был отстаивать свой выбор. – Моим детям здесь хорошо.

За спиной кто-то удивленно чирикнул. Артур быстро повернулся на стуле: на открытом окне сидела маленькая пичуга. Посмотрев ему в глаза, она задорно дернула хвостиком, еще раз пискнула и взвилась в небо. Оно было одинаково высоким везде.

– Что ж, – сказал он в трубку. – Евпатория так Евпатория. Море там было таким же глубоким...

Поэтому он и велел Сашке собраться за день – друг детства пропал. Подстегивать ее не пришлось, не на север же едут! К тому же и до того планировали, звонок из Крыма только ускорил их сборы.

Машинально кидая в чемодан вещи, Артур мысленно вырисовывал картину: Пашка исчез второго июля. Он бросил взгляд на календарь – уже четвертое! Что-то не сразу Пашкина жена забеспокоилась... Юрке она сказала, что с утра Пашка еще был с нею, они вместе ходили к нотариусу. Потом она уехала на работу, а Павел якобы отправился домой. Больше Светлана его не видела.

Юрке она позвонила уже в полночь – ждала до последнего, хотя Пашкин телефон молчал весь день. Но Светлана решила, что разрядился, такое случалось множество раз, с годами Пашка не стал взрослее и редко заботился о таких мелочах.

– Что они делали у нотариуса?



Юрка ответил не очень уверенно:

– У Светы мать недавно умерла. Там с наследством что-то...

– Дело не в деньгах?

– Думаешь, Пашка мог ограбить семью?! Да ты, похоже, совсем забыл его.

– Я вспомню, – пообещал Артур.

А сам подумал: «Некоторые люди меняются больше, чем нам хотелось бы. Тот Пашка, которого я знал, мог разве что бублик в магазине спереть... И то больше ради острых ощущений. А сейчас какой он, кто знает?»

В последний раз забежав перед отъездом в любимую кофейню, Артур не стал брать на вынос, как делал всегда, а уселся за столик. За окном покачивались растопыренные пятерни клена, уже здоровенные, но еще не пожухшие от зноя. Начало июля. Больше месяца без Оксаны... Он торопливо отогнал мысль о ней: вспоминать ее с тихой благодарностью еще не получалось, каждый раз хотелось взвыть от тоски и ярости, которая ничуть не утихла, когда он поймал убийцу.

Заставив себя думать о Пашке, он вообразил его забавную физиономию с большим ртом, который вечно улыбался, и шальным взглядом: «Что бы еще такого натворить?» С Юркой они росли абсолютно разными, даже глаза у старшего брата были другими – серьезными, чуть усталыми. Может, как раз из-за того, что все его детство было под завязку наполнено заботами о малыше?

«Что ты опять натворил, Пашка? – кофе сегодня показался особенно горьким. – Все куролесишь... А нам за тебя расхлебывать?»

Артур взглянул на часы: Сашку он разбудил час назад, она уже должна была собраться. Она пыталась понять, мол, какого черта выезжать в такую рань?! Пришлось пресечь:

– В машине доспишь.

Логов не любил строжить ее и даже не считал себя вправе, все же он ей не настоящий отец, но были ситуации, когда приходилось настаивать на своем. Ему нужно было добратсья до Евпатории как можно скорее, но о самолете Артур и слышать не хотел: без машины в Крыму делать нечего, а чужие он не любил, поэтому сразу отмел Сашкино предложение взять напрокат.

Так что в путь они отправлялись на его любимой «Ауди», которую он без стеснения всегда оставлял прямо у Сашкиного подъезда. Что скажут люди? Вот уж это Артура Логова никогда особо не заботило. Когда ты рождаешься с таким лицом, от которого только через силу можно оторвать взгляд, то шепот за спиной становится твоим шлейфом и тянется через всю жизнь. И никто не верит, что сам ты смотришься в зеркало только в тех случаях, когда бреешься, и меньше всего заботаешься о том, как уложены волосы.

С юности ему приписывали невероятные романы: уже в девятом классе с молодой учительницей физики, которая, кажется, и впрямь смотрела на Артура чаще, чем на дру-

гих...

– От тебя ж не убудет, а человеку приятно, – философски рассуждал по этому поводу его приятель Борька Сорокин.

Потом шептались, что в Логова влюбилась аж декан факультета – лютая с остальными студентами дама, которая жалела его, мальчика, потерявшего родителей, совсем по-матерински. И Артур твердо знал: у декана нет никакой задней мысли, когда она подсовывает ему пакетик с бутербродами. Или закрывает глаза на то, что Логов опять проспал первую пару.

Сострадание не имеет с похотью ничего общего... Хотя по работе ему встречался один старый подонок, который слишком уж жалел соседского мальчика: его родители пили по-черному. Он то подкармливал малыша, то укладывал к себе в постель.

– Да я ж порадовать его хотел, – оправдывался он на допросе. – Приласкать малость... Он же с этой алкашней никакой радости не видел.

Вот только однажды мальчик начал отбиваться... Может, просто подрос и понял, что творит с ним добрый дедушка? Или просветил кто-нибудь в подворотне... Пацан ударил соседа и начал кричать.

– Пришлось малость придушить его, а то весь дом переполюшил бы, – оправдывался убийца, демонстрируя искреннее непонимание, в чем его вина.

Ребенка нашли только через неделю на пустыре, обгло-

данного бродячими псами. Патологоанатом обнаружил следы многократного сексуального насилия, а пацан из двора вспомнил, как погибший сболтнул, что сосед жалеет его. И только мать с отцом ничего не замечали...

Но юность Артура была свободна от таких упырей, если его и жалели, то искренне.

«Надо бы заглянуть к ней, проведать, – подумал Артур о бывшем декане, уже садясь в машину. – Если она еще не на пенсии... Как же ее зовут?»

У него было время вспомнить, пока он добирался от своего дома на Большой Черкизовской до Сашкиного на Сельскохозяйственной. Раньше Артур называл этот дом Оксаниным, теперь приходилось переучиваться, чтобы не увязнуть в прошлом на годы, а риск был – он это чувствовал. Выбираться в реальную жизнь нужно было очень аккуратно, неспешно, не делая резких движений, чтобы не порушить башню, воздвигнутую из воспоминаний.

И Сашку он не торопил: пусть остается в той же квартире среди Оксаниных вещей, раз ей так спокойнее. Только бы самообман не затянулся на всю оставшуюся жизнь... Вокруг было полно людей, живущих воспоминаниями. Артур видел их чуть ли не каждый день: грустное зрелище. Такого он Сашке не желал. Потому и рвался скорее увезти ее на море, наивно веря в его чудодейственную силу.

Старушки у подъезда затихали, когда Артур выходил из машины, и он втайне даже ликовал из-за того, что опять под-

бросил им пищу для сплетен. Пусть развлекаются, раз больше нечем скрасить свои унылые будни, повод-то какой: этот красавчик следователь сначала к матери ездил, теперь к дочке... Объяснять, что Саша Каверина как была, так и осталась для него дочкой, Логов считал унижительным. Плевать!

Главное – это отвезти Сашку к морю... Оно залижет, залечит раны, оставив тонкие шрамы, которые не исчезнут, конечно, но с ними уже можно жить. Ведь сам Артур как-то справился, не позволил черной трясине тоски поглотить себя. А был он чуть старше Сашки, когда его родители разбились в одной машине... Многие потом удивлялись, что Логов не боится сесть за руль и водит – не сказать чтоб уж очень осторожно. Довольно лихо...

Сашка ничем не выказала страха перед путешествием в Крым на машине. Правда, в первый момент удивилась:

– Не на самолете?

Но тут же пришла в восторг, запрыгала по комнате как маленькая.

– Вот это, я понимаю, приключение!

Его сердце от радости сбивалось с ритма, когда Сашка хоть ненадолго забывала о сиротстве и вновь превращалась в ту девчонку в домашних зеленых шортах и желтой майке, которую он звал: «Тот еще фрукт!»

– Ты же хорошо переносишь машину?

Артур уточнил на всякий случай. Вроде Сашку никогда не тошнило, но он и не возил ее далеко...

Она нагло вато ухмыльнулась:

– Боишься, что я заблую твою «Ауди»?

– Да уж не хотелось бы!

– Расслабься. Ничего такого никогда не случилось. Можно наберу с собой чипсов? Или в твоей «немке» нельзя крошить?

Подавив вздох, Артур позволил ей взять все, что она захочет, хотя сам никогда не ел в машине. Не то чтобы он был таким уж чистюлей, но и устраивать в дорогом автомобиле свинарник ему не казалось правильным. Он думал, что Сашке это хорошо известно. Не отпускало подозрение, что девочка проверяет, насколько Логов готов прогнуться.

Он ошибся. Никаких чипсов Сашка с собой не потащила, только леденцы взяла на случай, если и впрямь затошнит, и несколько бутылочек воды.

– Зачем? – удивился Артур. – Можно купить по дороге.

– Я из фильтра воды набрала. Чего зря деньги тратить?

Он закатил глаза:

– Экономная ты наша...

И тут же пожалел, что произнес слова, которые могли резануть Сашку: «наша», «мы» – эти понятия остались в прошлом, «их» больше не существовало. Он остался один. И Сашка одна. И они только делали попытки слепить что-то вместе из разрозненных кусочков в память об Оксане...

Но Сашка то ли не заметила, то ли пожалела его и сделала вид.

– Газ я перекрыла, воду тоже, – проговорила она деловито, наблюдая, как Артур пристраивает ее сумку в багажник. – Паспорт с полисом взяла. Банковскую карту... Вроде все?

Он выпрямился и еле удержался от того, чтобы погладить ее легкие белесые волосы:

– Умничка.

Все это время Артур старался не смотреть на пакет, который Сашка прижимала к груди. В нем угадывались очертания шкатулки, которую они собирались отвезти к морю. Сашка тоже опустила глаза:

– Куда поставим? Не в багажник же?

– Нет, конечно. На сиденье. Я закреплю.

Он только хотел сказать, что шкатулка поедет на переднем сиденье, как Сашка спросила:

– Я тебе не буду мешать, если сяду рядом? Или лучше сзади?

– Как тебе удобнее, – заверил он. – Кондишн везде добирает, радио слышно.

– Тогда я впереди, – она осторожно передала ему шкатулку, юркнула на сиденье и вопросительно улыбнулась ему снизу. – Поехали?

\* \* \*

Никто не видел того, что открывалось его глазам...

Из-под облаков орел обозревал выжженные солнцем по-

ля, застывшие ряды виноградников, ожидающих сбора урожая, беспокойный морской простор, который только людям кажется бескрайним. Орел знал, что даже стихия заключена в каменные берега и не свободна. В отличие от него...

Только он один мог оценить причудливые формы разного цвета озер – голубых, зеленоватых и даже розового. Он видел, как меняются переливы их оттенков в зависимости от того, на какой высоте находится солнце. И как медленно меркнут краски, когда светило опускается в море.

И никто до сих пор не заметил, что на каменистом берегу у подножия скалы лежит человек.

Хотя он не шевелился уже несколько дней и явно был мертв, что-то мешало орлу рассматривать его как пищу... Не жалость, конечно. Царь птиц не был знаком с этим чувством. Просто летом у него не было недостатка в другой пище и не хотелось опускаться до человеческого трупа.

А другие животные не забредали в этот пустынный уголок. Пока что...

\* \* \*

Оказалось, что ехать с Сашкой в одной машине – это не такое уж мучительное испытание: она не болтала и не сорила. Молчком снимала что-то из окна, копалась в гаджете, прикрыв глаза, слушала музыку. Артур начал верить: путешествие будет приятным.



Только раз Сашка печально заметила, когда они миновали поворот на Ясную Поляну:

– Мы так и не побывали там... Все собирались.

На этот раз «мы» – это были они с Оксаной. Артур пробормотал, хоть и не имел к этому никакого отношения:

– Я свожу тебя.

Медленно повернув голову, Саша устремила на него долгий взгляд, потом отвернулась к окну, заговорила о Толстом, которого Артур не перечитывал со школы.

– Наверное, до него надо дорасти. Мама его очень любила, а мне ближе Достоевский.



Она сделала паузу, точно выжидала, что скажет Артур, ему пришлось сознаться:

– Я так и не осилил «Преступление и наказание».

– Ты?! – Сашка так и подскочила на сиденье, заглянула ему в лицо. – Серьезно? Ты же сыщик! Это самое... твое.

– «Братья Карамазовы» – вот мое. Несколько раз перечитывал. Чем не криминальный роман? Но какие характеры, какие страсти!

Откинувшись на сиденье, она проговорила задумчиво:

– А я от «Преступления...» оторваться не могла. Даже типа изысканий что-то провела: почему у Раскольникова именно рыжая шляпа? И еще кое-что... Разве он тебе не интересен с точки зрения психологии преступника?

Обижать ее не хотелось, но Сашка не потерпела бы неправды. И Артур признался:

– Мне кажется, Раскольников предсказуем. Или в этом предсказуемость Достоевского? Я сразу знал, что главный герой убьет старуху.

Сашка фыркнула:

– Это каждый первоклассник знает!

– И что кто-то невинный погибнет.

– А... ты догадался?

– И что раскается... Карамазовым удалось застать меня врасплох. Их мотивы интереснее. Ну, это только мое мнение, – добавил он поспешно, испугавшись, что задел ее.

Но Сашка внимательно слушала его, устремив взгляд в лобовое стекло. Трасса закручивалась серой лентой, исчезая под колесами, точно их машина заглатывала ее. Мимо проносились перелески всех оттенков зеленого, первые стога, скрученные рулонами: в детстве Артура таких не бывало. Обычные лохматые теперь встречались редко, но прошлым

летом они с Оксаной набрали на такой, разом со смехом откинулись на спину и долго лежали рядом, просто глядя в дымчатую синеву. Он тихонько перебирал ее пальцы и думал: «Это и есть счастье. Вот такое оно...»

– Эй! – вскрикнула Сашка, когда машина резко вильнула. – Ты засыпаешь, что ли?

– Нет, – отозвался он коротко.

Кажется, она догадалась, но все же предложила:

– Может, остановимся и выпьем кофе?

– Попозже. Нам надо проехать сегодня как можно больше.

– Включи навигатор, – посоветовала она. – Вдруг он найдет более короткий путь?

– Терпеть не могу навигаторы...

– Ну как знаешь...

Без стеснения протяжно зевнув, Сашка умолкла, глядя перед собой. И только через несколько километров призналась:

– Я всегда мечтала вот так ехать на машине куда глаза глядят. Просто смотреть в окно, слушать музыку и ни о чем не думать.

«Но Оксана не умела водить, – завершил Артур за нее. – Да и машины у них не было».

– А тебе удастся ни о чем не думать?

– Ну... Не совсем, – она улыбнулась, поглядев на него. – Но это, знаешь, такие ленивые мысли. Неважные. Я их тут же забываю.

– И тем они хороши!

– Вот. Ты понимаешь. Я знала, что ты поймешь.

Артур шутливо кивнул:

– Премного благодарен.

– Ехать и не думать, – повторила Сашка с тоской. – Долго-долго...

Но к вечеру она едва не вывела его из себя.

– Только не пончики! – взмолился Артур, когда Сашка выбрала место для ужина, завопив: «Останови здесь!» Он еле успел затормозить...

Ее глаза округлились:

– Ты не любишь пончики?!

– Даже запах не выношу.

В ее недолгом молчании сквозила укоризна:

– Как же мы будем путешествовать вместе? Я их обожаю.

– А по тебе не скажешь...

Пухлая нижняя губка обиженно выпятилась:

– Еще назови меня скелетом!

– Ну что ты! – притворно ужаснулся Артур. – Никогда в жизни. Ты просто... миниатюрная.

– Звучит лучше, но смысл тот же.

Он несогласно мотнул головой, вынудив Сашку усмехнуться:

– Знаешь, раз уж мы все равно остановились... Ты не обязан есть пончики! Можешь взять пельмени. Их-то ты ведь

любишь?

Осеклась на последнем слове, наверняка вспомнив, как они на пару давились магазинными пельменями после смерти мамы. Артур покосился на нее с тревогой: бледное личико вытянулось, взгляд впился в невидимую точку...

– Ладно, – вздохнул он. – Пончики, пельмени – все, что желает Ваша светлость!

Ее ресницы дрогнули, уголки губ едва заметно приподнялись. Сашка посмотрела на него теплым взглядом и быстро кивнула:

– Спасибо!

Пахло внутри отвратительно, но Сашка с удовольствием задергала носом:

– Неужели у тебя слюнки не текут? Ну скажи! Не текут?

– А я похож на жертву экспериментов академика Павлова? – Артур скривился.

Сашка легонько оттолкнула его:

– Да ну тебя!

Подскочила к кассе и уставилась на меню на экране. Вид у нее был такой, будто сейчас она начнет облизываться:

– Я возьму и пельмени, и пончики. И еще два стакана чая.

– У тебя обезвоживание?

– Просто хочется! А ты что выбрал?

– Пончики, конечно!

– Серьезно?

Он взял чебуреки – пельмени сейчас в горло не полезли

бы. Хотелось думать, что Сашка не сочтет это упреком: мол, у нее уже отболело, забылось... Да Артур только рад был бы этому! Для того и втянул Сашку в расследование убийства Оксаны, лишь бы только она не задохнулась от тоски по матери.

И они оба выжили.

Даже расхохотались в голос, когда с обратной стороны окна, у которого они устроились, остановилась толстая тетка в розовых шортах, которые делали ее похожей на мисс Пигги. Сашка точно не помнила, кто это... Зал кафе по уровню находился ниже тротуара, и пухлый розовый зад оказался прямо на уровне их лиц. В маленьких наушниках, видимо, звучала заводная мелодия, потому что рыжеволосая тетка начала притоптывать ногами, словно покрытыми белым, дрожащим от каждого движения желе.

– Стекла зеркальные, она нас не видит, – от смеха вытирая глаза, пояснил Артур.

– Может, выйти и сказать ей? – Сашка уже начала приподниматься.

Он остановил:

– Не надо. Она так счастлива в своем неведении! А если узнает, что стала посмешищем, это будет мучить ее весь отпуск.

Усевшись на место, Сашка с удовольствием куснула пончик и неразборчиво промычала:

– А ты добрый...

«Не всегда, – подумал Артур, медленно сворачивая салфетку. – Те, кого я посадил, с тобой точно не согласились бы...»

\* \* \*

Сашка дремала рядом, отвернувшись к окну, и его мысли тотчас унеслись в Крым. Что могло случиться с Пашкой? Все его шалости всегда были безобидными, пацанскими, ни в какой криминал он никогда не лез. Конечно, уйма лет прошла с тех пор, когда они виделись в последний раз. Судя по тому, что успел накопать Артур, друг его детства не особенно изменился...

Продолжая забавляться, Пашка открыл в Евпатории Парк монстров и населил его любимыми персонажами – от Кощея до Шрека и Майка Вазовски. Оказалось, у него золотые руки, которыми он и создавал уродиков, как сам любовно называл жителей парка на своих страницах в соцсетях. Его детище пользовалось успехом, ведь в парке можно было пройти кучу квестов, а в подарок получить клятву от Фионы, что твое заветное желание, написанное на листочке и брошенное в ее приоткрытую сумочку, непременно сбудется.

«Он дарил детям надежду и радость, – Артур не замечал, но его брови болезненно сдвигались на переносице, когда он думал о Пашке. – Какого черта? Кто мог ненавидеть его настолько, чтобы убить?»

Он вдруг поймал себя на том, что уже принял убийство в качестве основной версии, хотя Пашка просто пропал. И, собственно, в любой момент мог объявиться и, как бывало, невинно захлопать ресницами:

– Вы меня потеряли? Ну вы чего, пацаны? Я же большой мальчик, могу исчезнуть на пару дней!

«Не можешь, – возразил Логов про себя. – Это я могу себе позволить. А у тебя семья, дети. Пора взрослеть, Пашка!»

Он всей душой надеялся, что сможет повторить это, глядя Пашке в глаза...

То ли Артур действительно задремал за рулем на какой-то миг, то ли некая потусторонняя сила увела их с маршрута, но в сумерках он понял, что едет не туда. Ни одной машины не было видно ни впереди, ни сзади... Как он ухитрился съехать с трассы?

Чертыхнувшись, Логов пересилил отвращение и обратился за помощью к навигатору. Бодрый голос футбольного комментатора возвестил о начале игры, но это не разбудило Сашку, и Артур надеялся, что успеет вернуться на нужную дорогу. Незачем ей знать, как он позорно сдался и призвал на помощь Уткина.

«Молодец, все знаешь», – подумал он мрачно, выполняя указания повернуть налево-направо.

Но лес становился все гуще, и это уже настораживало его. И тут – разве могло быть иначе?! – Сашка заворочалась, при-



открыла глаза, снова отключилась на секунду, потом проснулась окончательно, села и завертела встрепанной головой:

– Где это мы?

– А хрен его знает! Спроси у своего друга.

Она с изумлением выслушала очередную команду Уткина:

– Ты включил навигатор?! Мы заблудились?

– Похоже на то...

– И уже темно.

– Темнеет, – придирчиво поправил Артур. – Еще не темно.

Услышав металлические нотки в его голосе, которые звучали редко, Сашка поспешно согласилась:

– Конечно. Мы успеем выбраться из этой... глухомани.

Артур взглянул на телефон:

– Похоже, он сам заблудился. Сейчас перепрограммирую...

Он успел сбросить настройки навигатора перед тем, как Сашка выкрикнула:

– Стой!

И уже потерянным голосом проговорила, глядя на экран своего телефона:

– Здесь нет интернета.

– Вот черт! Совсем не ловит?

Она покачала головой и виновато поджала губы:

– Все? Мы остались без навигатора? Как же мы выберем-

ся?

И вдруг подпрыгнула от радости, тыча пальцем в стекло:

– Смотри, там дома! Здесь живут люди!

Он с облегчением перевел дух и небрежно заметил:

– Сашка, это же центральная часть России. Здесь кругом люди.

Только они были какими-то странными, точно вышагнули из его советского детства, где остались такие вот заросшие травой кюветы, бездонные лужи, по которым можно было с упоением шлепать после дождя, некрашенные заборы серого цвета... Облокотившись на щербинку между штакетником, одна доска была выломана, неподвижно стояла старуха с длинными седыми волосами и смотрела в одну точку. Даже появление их машины не заставило ее перевести взгляд.

– Она похожа на ведьму, – пробормотала Сашка, не сводя со старухи испуганных глаз.

Перед забором на крышке люка сидел бритый малыш, на котором из одежды были одни колготки в рубчик – где такие раздобыли? Вокруг него на трехколесном велосипеде каталась девочка с синим бантом, а полуголый пацан ожесточенно хлестал ее своей рубашонкой. Но девочка безмятежно улыбалась и продолжала нарезать круги.

– Удивительно, – пробормотала Сашка, заметно сжавшись.

– Что именно?

– Живут люди вдали от мира... Среди леса. И никуда их не

тянет... Ничего больше не нужно. Никаких амбиций. Может, так и нужно?

– Висеть на заборе?

– Мы же не знаем, чем она занималась весь день, – вступилась Сашка. – Может... животных лечила. Или еще что-нибудь. А сейчас вышла подышать.

– А дети?

– Что – дети? Их, наверное, к бабушке привезли на лето. Или уже к прабабушке...

– Ты его колготки видела?

Она замялась лишь на секунду:

– Так у нее и завалялись в комод. Их, может, еще его мама носила. Или даже бабушка...

– Ладно, – сдался Артур. – Твоя взяла. С этой деревушкой все в порядке. Здесь живут счастливые и самодостаточные люди. Вот у одного из них мы сейчас и спросим дорогу...

Остановив машину рядом с молодым косарем, который не выглядел пришельцем из прошлого века, Артур опустил стекло:

– Вечер добрый! Мы, кажется, слегка сбились с пути...

Парень осмотрел их внимательно:

– А куда едете?

– В Крым.

– В Крым?! Ну, это вы лихо промахнулись, – он заглянул в салон и улыбнулся Сашке. – Слушайте...

И он принялся объяснять, довольно четко и понятно, как

им вернуться на трассу, но в какой-то момент Артур перестал его слышать. Его начало раздражать, как этот парень таращится на Сашку и улыбается ей. Не удержавшись, Артур оглянулся: она тоже светила улыбкой, и это показалось ему просто отвратительным – первому встречному!

– Спасибо, – сухо сказал он и поднял стекло.

Донесся приглушенный выкрик:

– Вы куда? Вы запомнили?

Но машина уже тронулась с места, чтобы поскорее увезти их из этой мрачной деревушки. Изумленный Сашкин взгляд прожигал ему висок. Не выдержав, Артур бросил, не глядя на нее:

– Ну что?!

– А что это сейчас было?

– Не люблю хамов.

– Он тебе не хамил. Он объяснял дорогу. Ты сам обратился к нему за помощью.

– Ты хочешь, чтоб я вернулся?

Видно, что-то опять зазвенело в его голосе, потому что Сашка тут же бросила:

– Нет. Едем. Куда глаза глядят...

И отвернувшись к окну, глядя на убегающие в прошлое низенькие домики с серыми крышами.

Покосившись на нее, Артур вздохнул:

– Ну ладно. Я, наверное, чересчур вошел в роль отца. Меня взбесило, как он на тебя таращится.

Только промычав что-то в ответ, Сашка прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза. Артур пихнул ее локтем:

– Если ты сейчас уснешь, я снова заеду черт знает куда...

– У тебя топографический кретинизм? – язвительно заметила она, не открывая глаз.

– Есть маленько.

По интонации уловив, что он улыбается, Сашка неожиданно призналась:

– А мне нравится, как ты сжился с ролью отца. Я не против.

– Правда? – обрадовался он. – Мне тоже... по душе эта роль. Или призвание?

Поморщившись, она взглянула на него укоризненно:

– Ой, только этого пафоса не надо!

– Не буду, – согласился Артур.

В ее голосе зазвучало подозрение:

– Что-то ты стал слишком сговорчивым...

– Это полнолуние, – он указал пальцем на желтый шар в небе. – Оно всегда меня подавляет.

И в тот же миг двигатель заглох. Не встревожившись, только слегка удивившись, Артур попытался завести его снова, но машина не отзывалась.

– Что за чертовщина?!

Ему почудилось, будто сумерки сгустились, начали подползать к ним, угрожая поглотить. Может, сами того не зная, они с Сашкой пересекли запретную черту и угодили в

некую реальность, о существовании которой не должны были знать? Он прислушался: не доносится ли с болот жутковатый вой?

Сашка боязливо взглянула на круглую луну:

– А вдруг и вправду чертовщина? У тебя же не «жигуленок» какой-то, чтобы заглохнуть! – она оглянулась. – Эта странная деревня... Косарь этот... А вдруг он колдун? И не выпускает нас из своего круга? Мы останемся тут навечно, и он будет высасывать наши души...

– Хорош болтать, – прервал ее Артур.

Когда ему становилось не по себе, он мог быть грубоватым, и Сашка уже знала это. И хотя она и бровью не повела, Логов сам уже взял себя в руки и пояснил, стараясь, чтобы голос не звучал виновато:

– Мы на мостике застряли, здесь вообще нельзя останавливаться. Придется выйти, я попробую вытолкать машину.

– Толкать будем вместе! Мы напарники или кто? – отрезала Сашка и открыла дверцу.

Ухмылка Артура чуть съехала вбок:

– У тебя грыжа не вылезет?

– Впряжат. Командуй, что делать?

«Еще то зрелище, – подумал Артур, изо всех сил уперевшись в раму дверцы и контролируя положение руля. Сашка пытала с другой стороны, копируя его действия. – Хорошо еще, что никого тут нет, а то сдохли бы со смеху... Чертовщина? Да ну, бред. Не верю я в эти сказки».

– Как-то иначе я представляла отдых на море, – выдавила Сашка и зашлась смехом.

И в тот же момент «Ауди» встрепенулась и завелась, съехав с моста. Словно вырвалась за некую невидимую границу... Резко выпрямившись, они с Сашкой уставились друг на друга круглыми глазами.

– Его владения закончились, – прошептала она, но Артур каким-то чудом услышал. Не по губам же прочел? Или подумал ровно то же самое?

– Садись, – велел он, решив не комментировать происходящее.

Черт его знает, что творится в российской глубинке!

Или это Пашка завел его в отзвучавшие времена их детства?

\* \* \*

Волк искал мертвого человека...

Легкий и серый, как тень, он скользил между деревьями, следуя за ароматом гниения, который не мог укрыться от него. Днем волк не уловил его, не различил в полевом букете, и только ночной ветер принес сладковатый запах, который кажется людям отвратительным, ведь они – брезгливые хищники. Убивают не ради добычи, а из других соображений, волку совершенно недоступных.



Волк шел по запаху.

Но природа подстроила ловушку – хищник понял это, добежав до края отвесной скалы. Спуститься с нее было ему не под силу, волк не умел прилипать к едва различимым уступам, как это делали горные козы, приводя его в исступление своей недоступностью.

А мертвое тело находилось внизу... Он не видел его, но был уверен, что нюх не обманывает. Такого не случилось еще никогда в жизни. И никогда волк не сталкивался с мертвым человеком. Трупы животных попадались ему часто, и волк не отказывался от еды, за которой даже не нужно было охотиться. Но ни разу он не ел людей.

На этот раз ему тоже не довелось отведать человеческого мяса.



Конуру, в которой они переночевали, трудно было назвать гостиницей, но у Артура уже не было сил ехать дальше во втором часу ночи. В номер вместились только две односпальные кровати, между которыми можно было просочиться лишь бочком. В крохотной ванной унитаз прижимался к сомнительной чистоты клеенке, которая гордо играла роль душевой кабинки.

Артур только протяжно вздохнул, увидев все это. Но спать в машине – еще то удовольствие...

– Я не буду там мыться, – заныла Сашка. – Там грибок... И еще хрен знает что!

– Не ругайся, – устало попросил он. – Тебе не к лицу. Ты же у нас такая милая девочка.

– Я не милая! Я злая и неблагодарная. Мы путешествуем, а я не ловлю от этого никакого кайфа.

– Ну извини...

Сгорбившись на постели, она уставилась в пол. В этот момент она показалась Артуру такой маленькой и несчастной, что он уже готов был вернуться за руль и поискать приличный мотель.

Но Сашка уже подняла голову:

– Прости меня. Сама не ожидала, что сдуюсь...

– Я тоже рассчитывал на более приятное путешествие.

– Эта комната похожа на гроб. На меня давит крышка.

– Вообще-то гроб устроен так, что крышка не давит на покойного. Даже не касается.

– А на меня давит! – она отвела глаза. – Артур... Ты боишься смерти?

Можно было бы отшутиться, если бы перед ним сидела не Сашка. Опустившись на корточки, он заглянул ей в лицо:

– Малыш, ты просто устала.

– Я очень боюсь, – проговорила Сашка ровным бесцветным голосом. – Как только представлю, что просто исчезаю... Ничего не буду чувствовать, ни о чем не смогу подумать. Меня такой ужас охватывает! И самое жуткое, что этого не изменить. Все на свете можно исправить. Кроме смерти. Что бы я ни делала, все равно умру...

– Ты не веришь в царствие небесное?

У него уже заныли колени, хотелось встать, но Артур не двигался. Сашка посмотрела на него умоляюще:

– А оно есть? Если бы кто-нибудь сказал наверняка! Тогда можно было бы жить спокойно и радоваться тому, что пока ты здесь, но и потом все не закончится... Только никто же не знает. Даже священники, правда? Они только верят.

– Надо бы и нам научиться, – пробормотал он.

Ее голос дрогнул надеждой:

– А ты тоже боишься?

Кивнув, Артур выдержал ее несчастный и пытливый взгляд. Несколько минут они оба молчали, точно сживаясь с

тем откровением, которым поделились друг с другом. Потом Сашка выдавила улыбку:

– Но завтра мы все равно увидим море, правда?

– Я надеюсь, – пообещал он с осторожностью.

Ее личико точно оплыло книзу:

– Только не говори, что мы не доедем до Крыма!

– Пешком пройдем, если что. Ложись, я пока...

Она уже вытаскивала из сумки пачку влажных салфеток:

– В море искупаюсь.

Когда Артур вернулся из ванной, она уже спала, устало свесив с кровати тоненькую руку. Нежно пахло салфетками, брошенными на пол. Поднимать их он не стал. Хотел было уложить ее руку поверх одеяла, но решил, что прикосновение может разбудить Сашку, а она только-только отрешилась от всего тягостного, скопившегося в душе.

С наслаждением растянувшись на постели, Артур устался в низкий потолок. Не гроб, конечно, но на склеп смахивает, подумал он. В том, что сон придет мгновенно, Логов почти не сомневался, его вообще редко мучила бессонница. И потому он наспех перелистал страницы этого дня, пытаясь решить: правильно ли вел себя с Сашкой, не обидел ли чем... Рывкнул на нее – это было ни к чему. И то, что ей пришлось вытаскивать машину, тоже приятным воспоминанием не назовешь. Хотя... Если все обойдется и никакая грыжа у нее не вылезет, они еще будут хохотать, вспоминая этот эпизод. А может, и все это путешествие, если ничего хуже не случится.

На потолке появились солнечные полосы...

Артур уставился на них с изумлением и несколько раз моргнул перед тем, как понял, что ночь уже прошла. Канула в прошлое – темная и пустая. Он еще немного полежал, прислушиваясь к своему организму, который то ли отдохнул, то ли нет. Нашарил телефон: половина восьмого. До Евпатории пилить через весь Крым, некогда залеживаться.

Он скосил глаза на Сашку и вздрогнул: ее светлые глаза были широко раскрыты.

– Только не говори, что ты лунатик!

– Ни разу не лунатик, – хихикнула она. – Просто забавно было наблюдать за тобой. Ты лежал такой серьезный!

– А в замочные скважины ты не подглядываешь?

Опять раздался смешок – Сашка явно проснулась в хорошем настроении. Наверное, уже успела подумать о том, что сегодня впервые пересечет Крымский мост, встретится с морем, пошепчется с волнами... Помнит ли она о том главном, ради чего они затеяли это путешествие? Артур не стал напоминать: наверняка мысли о маме невесомым утренним туманом окутывали каждый Сашкин день, и все, что она делала или о чем думала, так или иначе было связано с Оксаной. Впрочем, как у него самого...

– До Евпатории через Украину было бы быстрее, – сообщила она.

– Я знаю.

– Ты там не был в последние годы?

– На Украине? Я вообще никогда там не был...

– И тебя не колышет, что там творится?

Он повернул голову:

– Моя мама родилась в Харькове. Как думаешь, меня может это не волновать?

Сашка подскочила и уселась на постели по-турецки, прикрыв колени одеялом:

– Так вот почему ты такой красавчик! Все украинцы жутко симпатичные...

– Думаю, не все, – резонно заметил он.

– Но многие. Правда-правда! У всех красавчиков в нашей школе были украинские фамилии.

– Ладно, тебе лучше знать.

Вскользь улыбнувшись, она припомнила:

– Их манера речи так прилипчива! Я помню, как мы с мамой в последний раз были в Крыму, мне лет десять было, наверное, или еще меньше... Я потом целый месяц говорила нараспев!

В ней вдруг точно выключили что-то: глаза потухли, и кончики губ опустились. До того времени, когда воспоминания о матери станут отзываться улыбкой, было еще далеко...

Замерев, Сашка смотрела в голую стену за спиной Артура – разноцветные тени, согретые южным солнцем, скользили по ней, отзываясь страданием. Ее личико подрагивало и менялось: в памяти за эти секунды проходили целые дни.

Он боялся, что сейчас она расплчется, но Сашка только

с усилием моргнула и посмотрела ему в глаза:

– Поехали. Все будет хорошо.

\* \* \*

Эта фраза давно стала расхожей и ничего, собственно, не значила. Но, как ни странно, этот день и в самом деле стал непрерывным солнечным мазком. Подпрыгивая на сиденье машины, Сашка вопила от восторга, тыча пальцем в стекло:

– Ты видел такое?! Целые поля подсолнухов! Чистый Ван Гог... Солнышки мои... Смотри, смотри: они же и вправду все повернулись к солнцу. Ты любишь Ван Гога? – неожиданно обернулась она к Артуру.

– Что значит – любишь? Это не то слово, которым можно определить мое отношение к живописи.

Сашка повернулась к нему, села бочком, подтянув коленки. Ей явно было интересно узнать его мнение, и от этого Логов внезапно разволновался. Искусство не было той почвой, на которой он чувствовал себя уверенно.

– А чьи работы тебе ближе? – спросила она. – Заметь! Я не спрашиваю: кого ты любишь?

– Заметил, – проворчал Артур. – Зачем тебе это?

– Просто хочу знать. Мы же с тобой напарники.

– У меня не было напарника, с которым мы беседовали бы об искусстве...

– Да у тебя вообще не было напарников! Ты же сам сто

раз говорил, что работаешь один. Волк-одиночка из логова.

Он сдался:

– Ну ладно. Может, я тебе удивлю, но меня волнуют пейзажи Коро.

– Камиля Коро?! – Сашка так и подскочила. – Нет, ты серьезно? Это же мой любимый художник! Ну, один из... Я только ради него готова в Пушкинский приходить каждый месяц!



– Ну, каждый месяц я туда не хожу...

Сашка не услышала его. Улыбаясь во весь рот, она сползла по сиденью, потом снова села, зажмурилась и принялась раскачиваться как в трансе:

– О, какой он... волшебник!

«Дурочка, – подумал Артур ласково. – Ей даже в голову не приходит, что я ей подыгрываю... Оксана рассказывала о Сашкиной слабости к Коро. Я его и не видел».

– Когда будет заправка, давай остановимся? – предложил он. – Полный бак зальем и заодно перекусим хорошенько,

чтобы потом не тормозить до Евпатории.

Сашка уставилась на него с испугом:

– Я не могу хорошенько. В меня с утра ничего не лезет.

– Здравствуйте! А круассаны кто лопают?

– Ну, это же мелочь... И дома я никуда не тороплюсь, так больше влезает.

Артур вздохнул – без крошек не обойтись:

– Ладно, возьмем навынос. По дороге будешь подкрепляться.

– Как Винни-Пух? – просияла она.

Скептически покосившись на ее тощие руки, Логов заметил:

– Ты уж скорее Пятачок! И, боюсь, тебя не откормить...

– А ты кто? Ну, из персонажей этой сказки?

– Я Кристофер Робин, – пробормотал он. – Я возвращаюсь к друзьям своего детства.

Неловко выгнув шею, Сашка уставилась на него, и голубые глаза ее изумленно расширились:

– В смысле? К каким друзьям?

Его точно ошпарило: она же не знает о Пашке! Можно было, конечно, на ходу придумать невинную версию, отовратиться, но Артур уже вспомнил, как дорожит эта девочка званием напарника, которым он наградил ее, когда они вместе искали убийцу Оксаны. И решил, что просто обязан выложить все карты на стол. Разве Сашка этого не заслуживает?

Она выслушала его, не прерывая, и только потом спроси-



ла:

– Но ты ведь в любом случае поехал бы со мной к морю?

– Ну конечно, – заверил он с жаром. – Это всего лишь совпадение. Не скажу, что удачное... Лучше бы с Пашкой ничего не случилось! Но раз уж мы с тобой все равно будем в Крыму, почему бы не помочь друзьям?

Кивнув, Сашка расслабленно откинула голову и попросила:

– Расскажи мне про его семью. Там никаких конфликтов не было?

Логов удержал усмешку: «А она сразу к делу!» Это ему нравилось в Сашке: при всей своей воздушности и эфемерности – беленькая феечка с бездонными голубыми глазами! – она была очень конкретным человеком и не рассусоливала. Быстро соображала, легко ориентировалась, была в меру напористой и много знала к своим восемнадцати годам.

И у нее было природное актерское дарование, что уже помогло им в прошлом расследовании. Могло пригодиться и сейчас. Сашке ничего не стоило прикинуться кем-то другим, и никаких угрызений совести она по этому поводу не испытывала, не считая обманом – это же для дела! Такой подход Артур одобрял.

Пашкина жена, судя по всему, была совсем другого склада.

– Я ее никогда не видел, – признался он. – Пашка влюбился, когда был в армии. А потом уехал за ней в Крым. Мы

еще в детстве его подкалывали, что ему нужно взять в жены медсестру, потому что он постоянно ранился. Колени, локти, даже подбородок вечно были ободранными. Но я не помню, чтобы Пашка когда-то ныл... У него рот всегда до ушей был.

Она вдруг передернулась всем телом, точно ее больно кольнуло:

– Почему именно таких людей и убивают?!

– Не только таких, – торопливо заверил Артур. И продолжил без пауз, чтобы она скорее отвлеклась от мыслей о матери: – К тому же никто и не говорит, что он убит... Пока он числится пропавшим.

– Ну да, – спохватилась Сашка и взглянула на него виновато. – Извини.

– Так что ты думаешь? Пашка действительно женился на медсестре! Из какого-то евпаторийского санатория. Непыльная работа. Ее зовут Светланой. Надеюсь, она действительно светлый человек.

Пропустив его последнее замечание, Сашка задумчиво произнесла:

– А медики знают, как отправить человека на тот свет так, чтоб и следов не осталось...

– Вот у нас и первый подозреваемый!

– Что ты смеешься? Медсестре точно известно, куда воткнуть иглу, чтобы человек кровью истек... Или пустой шприц в вену загнать.

– О-о, читалась...

– Скажешь, такого не бывает?

– Бывает, – согласился Артур. – Но давай без предвзятости... Может, у нее и мотива-то не было.

Сашка покачала головой:

– Ты сам говоришь, что Паша был...

– Я надеюсь, он есть!

– Ой, опять... Прости, пожалуйста! Ты говоришь, что этот Паша как большой ребенок. А значит, увлекающийся...

Артур вздохнул:

– Я тоже подумал, что он мог влюбиться в очередной раз. В школе не было девчонки, по которой он не сох бы... Но не дольше пары дней. Потом влюблялся в другую.

– А ты?

– Я нет, – засмеялся Артур. – В меня влюблялись. Но я этого даже не замечал, если честно. Я тогда плаванием занимался, всю энергию топил в бассейне. Мечтал стать олимпийским чемпионом.

– Только не говори, что считаешь себя неудачником! Ты же любишь свою работу...

Он согласился:

– Люблю. Но, знаешь, лучше бы никому не приходилось расследовать убийства. Пусть бы их вообще не было. Я согласился бы остаться безработным...

\* \* \*

Если верить Артуру, теперь Крым напоминает Испанию: отличная трасса «Таврида» и пейзажи, радующие глаз.

– По старой дороге ехать – еще то испытание! А тут, смотри-ка, все на высшем уровне!

Он ликовал как ребенок, даже глаза заблестели. Забавно, как мужчин восхищает все, связанное с автомобилями.

– Испания. Чистая Испания!



Я-то никогда не была в стране фламенко и корриды, что, впрочем, почти одно и то же. Это я прочла в одном романе, полном убийственной страсти: «Фламенко – это женская коррида». Не верить автору у меня оснований не было.

Артуру я не стала говорить, как разочарована тем, что но-

вую трассу проложили так далеко от моря и я успела увидеть его только с Крымского моста. А мне до сих пор помнится, как светящаяся ширь голубого цвета распахнулась перед глазами и от восторга перехватило дух. Я влюбилась в море с первого взгляда, такого со мной не бывало ни до, ни после... Да я вообще толком еще не влюблялась.

Но когда мы проезжали этот длиннющий новый мост, мое сердце вдруг заколотилось, как перед долгожданной встречей с любимым. Только это был не человек, а море. Опустив стекло, я жадно глотала воздух, пропитанный солью, и у меня мутилось в голове. Казалось, я растворяюсь в нем, становясь пеной морской, как Русалочка из сказки, только принц был здесь ни при чем.

Кажется, Артур догадался, что со мной происходит, и тихо произнес:

– Вот ты и встретилась с ним...

Я хотела ответить, но успела сообразить: он обращается не ко мне, а к маме. Ведь это ради нее мы затеяли эту поездку. Ее прах лежал в шкатулке за моей спиной... Хотя никакого завещания она не составляла и вообще не собиралась умирать, как-то вскользь, почти в шутку, мама обронила, что мечтает после смерти слиться с любимым Черным морем.

Почему она даже не попыталась перебраться в Крым, если так любила его? Что держало ее в Москве? У нее не было дела жизни, ради которого можно пожертвовать мечтой... Я без сожаления сменила бы школу. Или она ждала, что отец

вернется? Вряд ли. Машка оставалась в Москве? Но ведь они все равно не виделись месяцами... А может, мама предчувствовала, что встретит Артура и он станет для нее дороже моря?

Стараясь не привлекать внимания, я скосила глаза на его профиль. Тут не поспоришь, он, конечно, потрясающий, ему бы в кино сниматься... Но море! Оно просто грандиозное. Смотреть не насмотреться. Или мама то же самое испытывала, глядя на этого мужчину?

Удивительно, что при такой жутковатой профессии лицо Артура остается добрым, и это смягчает впечатление от его неправдоподобной красоты. Иначе она подавляла бы... Чаще человеческая красота имеет налет отстраненной высокомерности, ведь, как правило, такие люди знают себе цену. Но Артур словно и не подозревал о том, как выглядит... Или это настолько не имеет для него значения?

Он искренне восхищался моей мамой, будто и впрямь считал, что в подметки ей не годится. И это подкупило меня... Я ведь то же самое думала о себе... Но я-то и в самом деле не годилась ей в подметки. Только мама никогда ни словом, ни взглядом не дала мне почувствовать, что тоже понимает это... Она восхищалась мною так же, как Артур ею.

Теперь меня окутало человеческое безразличие. Никому нет дела до того, где я, почему не поступила в институт, как справляюсь с внезапным сиротством. Артур – единственный человек, продолжающий сжимать мою руку, чтобы меня не

унесло в бездну забвения.

И я верю: у него достанет силы удержать меня...

Мне тоже хочется быть полезной ему. Поэтому я всю дорогу кручу в голове дело его пропавшего друга детства. То, что я с ходу наговорила про жену этого неведомого Паши, уже и мне самой кажется не очень правдоподобным. Слишком уж это банально: жена убивает мужа... Было бы досадно, если б это дело оказалось настолько простым!

К тому же Паша помнится Артуру хорошим парнем, хоть и сумасбродным, но за что его убивать? Богатым, как мой отец, он не был, о наследстве речь не идет, значит, жене проще было развестись с ним, чем убивать и садиться в тюрьму, оставляя детей в той пустоте, куда угодила я...

— У них есть дети?

Мой вопрос не был связан с тем, о чем мы говорили последние полчаса. Но застать Артура врасплох не так-то просто! Он посмотрел на меня так, словно ждал этого:

— Сын. Ромка. Я уточнил у Юрки, пацан где-то твоего возраста.

Он мотнул головой, будто отгоняя страшное виденье:

— Черт, у меня мог бы сейчас быть такой же здоровый сын!

— Тебя это пугает?

— Не то чтобы... Мне просто трудно это представить.

— А...

Я на секунду замаялась, усомнившись, имею ли право спрашивать об этом. Но раз уж мы путешествуем вдвоем...

Разве это не поднимает нас на уровень особой доверительности? И, глубоко вдохнув, я проговорила тем нежным голоском, который почему-то казался взрослым таким трогательным, что они сразу таяли:

– А у тебя мог быть такой сын? Ты тогда встречался с кем-то?

Зря я опасалась, что Артур рассердится и буркнет: «Не суй нос не в свое дело!» Он быстро взглянул на меня и вдруг рассмеялся:

– А ты как думаешь? Разве такой парень, как я, мог прозябать в одиночестве?

Мне стало так стыдно за свою наивность, что я вся сморщилась:

– Ну да... Извини. Я глупость спросила.

Но Артур вдруг ответил совсем другим тоном, из-за чего у меня озноб прошел по коже:

– Я понимаю, о чем ты... Тебе ведь хочется знать, многих ли я любил до... твоей мамы? – и покачал головой. – Никого. Теперь я знаю это. Хотя были девчонки, по которым я с ума сходил... пару недель. Потом все как рукой снимало.

– Потом – это после того, как ты добивался... своего?

Уж на такой вопрос Артур имел полное право не отвечать. Но мне показалось, что он почувствовал: мне важно понять, как работают отношения между мужчиной и женщиной. Мой первый пробник в этом был полной глупостью, когда я вспоминала о нем, тянуло гадливо передернуться. Но



я надеялась, так будет не всегда.

– Я уже многое подзабыл, – признался он, – но, боюсь, ты права... Кажется, в юности я не особо отличался от большинства пацанов.

И он принялся исповедоваться, чего я уж никак не ожидала. Он рассказал, как они с друзьями рыскали по Москве в поисках удовольствий – поджарые и вечно голодные самцы. Гонимые спортивным азартом, сновали из одного бара в другой, что-то выпивали, с кем-то уединялись в туалетах ночных клубов... Артуру никто из девчонок не отказывал...

В моем воображении замельтешили клубные огни, в крови начал пульсировать ритм, в котором двигались тела, совапавшие на минутный отрезок жизни, чтобы после потеряться навсегда. Артур не мог поклясться, что никто из этих случайных девчонок не унес в себе его ребенка, тогда и мобильники-то были не у всех, только у самых крутых. Я могу встретить его сына и не догадаться об этом. Не все же похожи на своих отцов...

– Что же тебя остановило?

Замолчав, он долго смотрел на дорогу, потом точно вспомнил обо мне:

– Мои родители погибли. Ну да, любой на моем месте пустился бы во все тяжкие, а я... Кстати, смотрела такой сериал? Ну неважно. А меня тогда так оглушило... Ничего не хотелось. Вообще ничего, даже секса. Меня просто выкручивало от стыда за то, сколько переживаний я им доставил в

последнее время. Они ведь ночами не спали, пока я развлекался, как дикий кобель. И я даже не успел попросить прощения за это. Сказать, как любил их. Все, наверное, что-то подобное испытывают, когда теряют родителей.

Артур взглянул на меня вопросительно, но ответил сам:

– А вот тебе не в чем себя упрекнуть, Сашка. Ты хороший человек. Твоя мама была счастлива с тобой.

– И с тобой, – добавила я.

Потому что так и было.

\* \* \*

Сашку поразило это открытие:

– Две тысячи пятьсот лет?! Серьезно? Слушай, надо было почитать о Евпатории... Понятия не имела, что это насто-олько древний город!

Они только что миновали на въезде в Евпаторию знаменитый знак с ребенком и дельфинчиком, где и было указано, сколько лет городу. Артур принял это как данность, а Сашка никак не могла успокоиться:

– Это же черт знает когда было! Кто тогда жил в Крыму? Греки? Тавры? Ой, надо все выяснить.

– Вот, – кивнул он. – Тебе будет чем заняться.

Она уставилась на него, сдвинув брови:

– В смысле? Даже не надейся отшить меня! Мы напарники, помнишь? Мы будем расследовать это дело вместе.

– Конечно-конечно, – Артуру удалось сдержать усмешку. – Ты посмотрела по карте, где Юркина улица?

Навигатору он больше не доверял.

Сашка сразу переключилась:

– У него свой дом, да?

– Ну раз номер квартиры не указан.

– И сад есть?

– Скоро увидим.

Она мечтательно протянула:

– Садик – это спасение... На юге без сада никак. В том доме, где мы с мамой снимали комнату, дворик сверху был затянут виноградом, и под ним всегда было тенисто. Придешь с моря, нажаришься, а во дворике просто рай... Я все ждала, когда виноград созреет.



«Не дождалась», – закончил Артур за нее.

Его не удивляло, что Сашка так отчетливо помнит ту давнюю поездку. Все хорошее, связанное с мамой, сейчас стало выпуклым и ярким, заиграло штрихами, наполнилось запа-

хами... А плохое – было ли вообще?

Его ничуть не беспокоило то, что они на пару идеализируют Оксану. Наверняка Сашка ссорилась с матерью, ну не бывает без этого! И ему самому Оксана как-то закатила глупую сцену ревности, когда в ресторане, куда они выбрались впервые, подвыпившая дама неожиданно подрулила к их столику и пригласила Артура на белый танец. А он не смог отказать, потому что у дамы был юбилей – это событие шумно отмечалось за длинным столом в углу зала. И она была одинокой стареющей женщиной – сидела во главе одна, и окружали ее только подруги. Ну не хватило у него духа не сделать для несчастного человека такую малость!

Он был уверен, что Оксана поймет и одобрит, а потом они посмеются вместе над его тяжким рыцарским долгом... Но когда Артур вернулся к столику, то Оксаны там не оказалось.

– Ваша дама ушла, – равнодушно сообщил метрдотель, который и не такие драмы видал.

Артур догнал ее на полпути к метро, хорошо, что Оксана не водила машину. Когда он попытался ее обнять, она оттолкнула его и прошипела в лицо:

– Что ж ты не радуешь ее? Вся ночь впереди! – По ее сердитому лицу текли слезы.

– Дурочка, ты чего?! – ему было смешно, но Оксана убила бы его, если б он посмел рассмеяться.

– Ты никому не можешь отказать, да?! Ты считаешь себя обязанным осчастливить всех женщин на свете?

Больше не рискуя прикасаться к Оксане, Артур просто пошел рядом, намеренно сдерживая шаг, чтобы она тоже укротила свой бег:

– Да это же ничего не значило... Обычная вежливость. Ну представь, как эта тетка была бы опозорена в глазах своих гостей, если б я послал ее! У нее юбилей. Лет шестьдесят, не меньше.

– Вряд ли, – произнесла Оксана с некоторым колебанием.

– Да я тебе говорю! Она вся ботоксом прокачана, но этим же возраст не скроешь. И те, кого она пригласила, точно знают, сколько ей... Знаешь, большинство из них позлорадствовало бы, если б я побрезговал потанцевать с нею.

– Фу! – вырвалось у Оксаны. – Слово-то какое – побрезговал...

– А ты думаешь, мне было приятно?

Она быстро взглянула на него: не врет?

Шаги ее замедлились. Артуру удалось тронуть самые чувствительные струны доброй души – ей стало жаль ту, что, оказывается, в матери ей годилась... Действительно, что такого? Один танец с невероятным мужчиной. Будет о чем вспомнить в кресле-качалке, укрывшись мягким пледом...

Ее рука мягко заползла под его локоть, Артур чуть прижал ее. Оксана еле слышно вздохнула:

– Ладно, я понимаю. Прости. Глупо было с моей стороны...

«Да уж», – вслух он произнес другое:

– Ты же знаешь, что мне никто, кроме тебя, не нужен.

Уголок ее мягких губ приподнялся:

– Ты говорил... Наверное, я не могу до конца в это поверить.

– Я тоже, – ответил он в унисон, – не могу поверить, что такая женщина, как ты, и в самом деле меня любит...

Ее лицо разом просветлело, она часто заморгала, повернувшись к нему. «Вот теперь она простила меня», – подумал Артур с облегчением и поцеловал пшеничные волосы. Оксана прижалась головой к его плечу.

Он и сейчас помнил травяной запах ее волос, обволакивающий сердце. Может, потому оно и не замерло от боли, продолжало биться, что сама Оксана защитила его, растворившись в нем и оставшись навсегда.

Не было смысла клясться самому себе или Сашке в том, что ее мама навечно останется его последней женщиной... Работа давно убедила Артура: чаще всего человек сам не подзревает, чего ожидать от себя. Но то, что отныне Оксана будет частью его самого, лучшей частью, в этом Артур не сомневался.

Сашка все еще говорила о той давней поездке с мамой, словно пыталась убедить себя, будто лучше уже не будет. Наверное, ей почудился привкус предательства в том, как она обрадовалась, почуяв запах моря...

Артур прислушался.

– А та ракушка так и стоит у меня на полке. Ты видел?  
Он кивнул, не перебивая ее.

– Я до сих пор верю, что в ней шумит море...

То, как внезапно Сашка замолчала, заставило его взглянуть на нее: по ее дрожащему личику текли слезы. Плакала она беззвучно, без всхлипов и даже не пыталась вытереть щеки – надеялась, что Артур не заметит?

Держа руль левой рукой, он осторожно сжал ее маленькую кисть с тонкими пальцами:

– Я не могу тебе обещать, что все будет хорошо. Мы можем только надеяться на это... Но я сделаю все, чтобы помочь тебе справиться.

Вот теперь она всхлипнула:

– А я тебе...

– Договорились, – заключил он. – А теперь смотри на указатели! Нам нужна улица Гагарина.

– В курортном городе улицы должны носить другие имена. Ну, я не знаю! Улица Кипарисовая. Аллея Волны. Проспект Прибоя.

– Тупик... Акулы! – подхватил Артур, и она рассмеялась. – Сходим в мэрию с предложением?

В ее больших глазах еще светилась печаль, но губы уже улыбались. Она долго смотрела на него перед тем, как признаться:

– Знаешь, что я давно хотела тебе сказать? Ты классный!



Дом Юрия оказался еще лучше, чем я воображала, пока мы ехали. Нет, он вовсе не был гигантским, как у моего отца, всего на пять небольших комнат – две внизу и три наверху. Но в нем было какое-то сказочное очарование: оранжевая черепичная крыша, стены из ракушечника, настоящие ставни. И хозяйка Вика (они разрешили мне называть их просто по именам!) походила на добрую волшебницу – светлые, слегка выющиеся волосы до плеч, улыбчивый рот, большие карие глаза, в которых таились золотистые искорки.



«Вот абсолютно счастливая женщина», – подумала я, только взглянув на нее.

А она обняла меня так крепко, будто я была их родствен-



ницей, приехавшей на каникулы. Хотя она Артура-то в глаза не видела, меня тем более. Почему он не был на их свадьбе, мой напарник так и не смог вспомнить, хотя в то время Юрий еще жил в Москве...

Его жена Артуру тоже понравилась – мне показалось, будто он с облегчением перевел дух, наверное, опасался, что нас в штыки встретит стерва с надутыми губами... Юрий мог жениться на такой?

Он показался мне излишне собранным, даже напряженным, но это объяснимо, если вспомнить: у него пропал младший брат. Не могу сказать, что испытала к Викиному мужу ту же симпатию, что и к ней. Хотя я и сама еще тот социопат, но в своем кругу не держусь так отстраненно и холодно. А с остальными людьми играю роли, меняю маски – так мне легче. Не зря мама отдала меня в театральную студию еще раньше, чем в школу...

Но Юрий даже не пытался изобразить радушного хозяина. Казалось, он постоянно ждет подвоха... Может, его шокировало, как Артур выглядит? Надеялся, что друг его детства подурнел с годами? Ну тут его можно понять: страшно-вато пускать в дом столь безупречного красавца...

Сам Юрий был долговязым, даже выше Артура, но слишком худым, потому и смотрелся нескладным. Лицо у него было острым, скуластым, а светлые глаза казались ледяными. Трудно представить, что они с Артуром были настоящими друзьями...

Только раз Юрий коротко улыбнулся, растянув тонкие губы, когда мы вошли в их чудный тенистый двор, окруженный высоченными инжирами. Он протянул Артуру руку, но тот сгреб его в охапку:

– Юрка! Здоро2во!

– Спасибо, что приехал, сыщик Логов, – отозвался Юрий.

Мне не понравился его тон: в нем сквозила неуместная ирония. Артур действительно сыщик, и я не вижу здесь повода для издевки. И уж тем более в том, что он примчался, проехав полстраны, по первому зову старого друга...

– А у меня уже обед готов! – прозвенел голос Вики, разгоня едва наметившиеся тучи. – Прошу-прошу!

Стол был накрыт в саду, и от этого у меня сразу поднялось настроение: кому из начитанных девочек не хотелось разок почувствовать себя чеховской героиней, со скукой разглядывающей гостей из-под волнистых полей белой шляпки? И мучить себя с наслаждением: «Обыкновенно любовь поэтизируют, украшают ее розами, соловьями, мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами и притом выбираем из них самые неинтересные. Мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно это или не честно, умно или глупо, к чему приведет эта любовь и так далее».

Почему я запомнила эти его слова, хотя еще и не пригубила любви? Какое лицо было у Чехова в молодости... Если б мы не разминулись во времени, я влюбилась бы в него

безоглядно, пусть бы подранил, с одним крылом летела бы за ним... Хотя разве мог он заметить меня? Я была бы ему ниже плеча, простушка, не наделенная даже ароматом таинственности. Он прошел бы мимо и не оглянулся. Он, отвергнувший красавицу Лику Мизинову...

Вика в простом сарафане с мелкими полевыми цветами по подолу почему-то напомнила мне ее, хотя я нигде не видела фотографий Мизиновой в таком наряде. Это была лишь иллюзия, порожденная моим собственным воображением, и длилась она только миг, но за эту секунду Вика стала мне почти родной – Чехов не любил нас обеих...

– Садись, Сашенька, – она отодвинула легкий садовый стул. – Сейчас Милка прибежит, мы ее за соком послали. Спихватились в последний момент! Вина купили, а ей-то еще шестнадцать... Ты уже пробовала вино?

Болтать с ней было так легко, что я расслабилась и даже разулыбалась. Артур, похоже, не мог в это поверить, бросал на меня встревоженные взгляды. Они с Юрием негромко разговаривали в стороне: Артур привалился плечом к кипарису и кивал, слушая. Он выглядел усталым и глубоко несчастным, мне вдруг стало жаль его. Глядя на красивого человека, все думают, какой он везунчик, как будто его лицо – гарантия счастья. С Чеховым все попадались на ту же удочку... А ведь из всех сорока лет Артур был счастлив только недолгое время, которое они провели вместе с моей мамой. По крайней мере, он так говорит, и у меня нет причин ему

не верить. Антон Павлович... Был ли он счастлив вообще?

К моему облегчению, Мила оказалась похожа на мать, но ее выющиеся волосы были чуть темнее. Она влетела в сад с двумя коробками сока в руках – яблочным и вишневым – и прямо просияла, увидев меня:

– Привет! Ты приехала!

Впечатав коробки в стол, она выдернула стул рядом со мной и оседлала его верхом – на ней были голубые джинсовые шорты и белый топик, на фоне которого загорелая кожа казалась особенно смуглой.

– Я Мила, – сообщила она, хотя в этом не было необходимости. И кивнула на родителей. – Эти чудики называли меня Меланьей, но так меня никто не зовет.

– И я не буду.

– А ты Саша, я знаю. Классное имя! Прямо царское.

Она была такой же легкой и забавной, как Вика, и от нее пахло морем, наверное, купалась с утра. На плечах засохли белесые чешуйки соли. А еще говорят, будто местные не плавают...

Меня вполне устраивало, что Мила болтает без умолку, расписывая, куда мы с ней «край» должны сходить. Незнакомые названия тут же ускользали из моей памяти, к тому же я не развлекалась сюда приехала. Только сразу огорошить Милу у меня духу не хватило: она уже нафантазировала похождения с новой подружкой из Москвы.

Вика ненавязчиво поддерживала разговор с мужчинами,

которые казались подавленными, видимо, переговорили о пропавшем брате Юрия. Ее тактичность пришлась мне по душе, и я решила вести себя так же. Конечно, не терпелось выведать подробности дела, но я понимала, что за обеденным столом такой разговор неуместен. От вина я отказалась, мне хотелось иметь ясную голову. Артур тоже выпил буквально глоток, хотя ему, может, и стоило расслабиться.

– А вот и они! – воскликнула Вика, заслышав скрежет калитки, и побежала кого-то встречать.

Артур поймал мой вопросительный взгляд:

– Светлана с Ромкой. Пашкины жена и сын.

– А у меня еще один брат есть – Мишка, – сообщила Мила. – Родной. Только он сейчас у бабушки с дедушкой в Москве. Ему двенадцать. Прикольно! Он в Москву, а вы оттуда. Но это хорошо, что его сейчас нет, а то он так жестко стебется над всеми!

У нее оказалось совсем детское чувство юмора. Я почувствовала себя ископаемым...

Артур поднялся новым гостям навстречу, крепко обнял обоих, а я сочла, что не обязана этого делать, и только улыбалась, кивая. Трудно было понять, как уместнее вести себя, учитывая повод, собравший нас вместе. Но о смерти Павла речи пока не шло, так что показной траур тоже был ни к чему.

И все же ни один из них не был в этом уверен...

Их растерянные взгляды метались суетливыми мухами,

которые не знают, куда присесть – можно ли? Все старались изобразить радость от знакомства с нами, но мне слышалось отчаянное жужжание: «Лучше бы здесь был Пашка!» Понять это было нетрудно: я тоже скопом обменяла бы всех Колесниченко на мою маму... Тогда и моя безумная муха успокоенно затихла бы.

Вопреки имени, Светлана оказалась совсем не светлой. Она была миниатюрной, черноволосой и очень смуглой, даже похожей на цыганку. Длинные волосы делил пробор, а Светлана собрала их в пучок на затылке. Хоть черты лица у нее были тонкими и правильными, а сама она изящной и красивой, было в ней нечто старушечье. Словно она высохла с годами и жизни почти не осталось. Не говоря уж о цыганской страстности. Этакий жучок из коллекции безумного натуралиста, пришпиленный болью.

Говорила она так тихо, что всем приходилось прислушиваться, и веки ее постоянно были опущены, как будто Светлана не могла заставить себя смотреть людям в глаза. Ей было что скрывать или чего стыдиться? Или противно было видеть тех, кто посмел остаться на этом свете после исчезновения ее мужа?

А Ромка явно походил на отца, потому что с матерью у него не было ничего общего. Его забавная физиономия, на которой крупной шишкой выступал нос, то и дело озарялась улыбкой, хотя потом Ромка спохватывался, вспоминая об отце, и прятал ее. Только он явно был не из тех людей, которые

способны долго предаваться унынию, даже если у них случается настоящее горе. Он мне, наверное, понравился, хотя его трудно было назвать симпатичным. Впрочем, на фоне Артура мы все как-то меркли...

– Доделал семейку Крудс? – спросила у него Мила через стол: Ромку усадили напротив нас.

– Почти, – откликнулся он. – Малого осталось сварганить.

Я не сразу догадалась, что речь идет о Парке монстров, который создал его отец. Ромка улыбнулся мне:

– Я покажу. Бесплатно.

Аттракцион невиданной щедрости...

Когда они оба отвязались от меня и занялись едой, я незаметно подняла глаза к небу, пронзительно синеющему между острыми верхушками двух скорбных кипарисов, похожих на стражников. «Ты видишь меня оттуда? Свою маленькую девочку, загнанную в чужой дом... Они теплые люди, но, знаешь, мам, я никогда еще не хотела с такой силой улететь к тебе, как в минуты бездонного одиночества в этой большой семье любящих друг друга людей. У нас когда-то была такая же... По крайней мере, в детстве мне казалось именно так. Все оказалось фальшивкой. Все... кроме тебя, мам».

С трудом оторвав взгляд от неба, я вдруг поняла, что Артур смотрит на меня. Конечно же, он все понял, хоть я и не позволила слезам проступить. Они должны были оставаться во мне и копиться, превращаясь в соленое озеро, в котором я однажды утону.

Если на этот раз Артур не успеет меня спасти...

\* \* \*

Логов потихоньку вытягивал из общего разговора нужные ниточки, чтобы сплести картину исчезновения Пашки.

Допрашивать этих людей он не мог не только потому, что был сейчас «курортником», которому никто официально не поручал вести это дело. Юрка был самой разноцветной частью его детства, и Артур не мог отделаться от ощущения, что если поведет себя как следователь, то потеряет его навсегда. Пусть они и до этого дня не встречались годами, но все равно были вместе – в обрывочных воспоминаниях, похожих на солнечные пятна на стене, на старых фотографиях. И отказываться от этого архива Логов не собирался.

Юрию это тоже, видно, не давало покоя, потому что он спросил, вонзив вилку в фаршированный перец:

– А ты чего вообще в менты подался? В школе не собирался вроде.

Артур попытался отшутиться:

– В девяностых у нас было два пути – в бандиты или в менты.

– Я нашел свой, – отозвался Юрий со сдержанным достоинством, которое неожиданно рассмешило Артура.

Он уже знал, что Юрка таксует. Так себе карьера... В детстве его друг точно не об этом мечтал – его манили горы.



Здесь они есть. Но разве взрослые люди меняют жизнь ради детской мечты?

– А вы чего вообще в Крым подались? – спросил Артур, чтобы уйти от расспросов о своей работе. – Корни ожили? А, Колесниченко?

– Да какие там! Мы же родились в Москве.

– Это из-за меня, – неожиданно подала голос Светлана.

Артур вопросительно приподнял брови, но она вновь умолкла, опустив глаза. Отозвалась за нее Вика и охотно растолковала:

– Пашка влюбился в Свету и уговорил Юрку бросить Москву. А мы уж за ним как нитка за иголкой!

– Солнце, море, – пробормотал Юра. – В юности это кажется чертовски романтичным... Но я не жалею, теперь же вся семья тут.

Внизу брякнул затвор калитки. Артур приподнял бровь: а это кто?

– Семья, – с непонятым выражением протянула Вика. – Сто лет жить будет.

Мила фыркнула, и Юрий метнул в нее острый взгляд. Он поднялся, готовый встретить кого-то – Артур еще не понял, кто поднимается к ним, тяжело дыша. А девочка скорчила гримаску за спиной отца и тихонько пропела:

– Бабушка пришла! Вот радость-то. А мы ждем-ждем...

– Тетя Тамара? – поразился Артур. – Так она тоже здесь? Отчество Юркиной матери он то ли забыл, то ли и не знал

никогда. Вика ответила едва слышно:

– Перевезли в позапрошлом году. Шантажировала своих парней, грозилась отравиться, если не заберут к себе.

– Мама ничего не знает о Пашке, – наклонившись к нему, быстро предупредил Юра. – Не проболтайся.

– Вот же ж, – поразился Артур.

И еще больше, когда увидел тетю Тамару, загорелую до мулатского оттенка, грузную, с мешками под глазами, которые – единственные! – оставались узнаваемыми в ней. Чуть выпуклые, пронзительно-синие, как у Пашки, ничуть не выцветшие с годами, они смотрели все с тем же нескрываемым презрением к миру, какое Артур помнил с детства. Тогда мать его друзей казалась высокой и стройной, быстрой, как породистая лошадь, с длинным хвостом на макушке. От тех густых волос почти ничего не осталось, жалкая плешь проглядывала – его подбородок лег на плохо покрашенную макушку тети Тамары, когда они обнялись.

– Артурчик, – отстранившись, она придиричиво оглядела его с головы до ног. – Хорош. Ничего не скажу... Хорош.

Ему показалось, что ей так и хочется плюнуть ему в лицо, но просто лень это сделать – в каждом ее движении была какая-то сонливая заторможенность, и Артур заподозрил, что тетя Тамара злоупотребляет снотворными, точно пытается заглушить некое свербящее беспокойство... Может, Юрке лишь кажется, будто мать не догадывается об исчезновении младшего сына?

Сашке, когда Артур представил ее, тетя Тамара едва кивнула: было бы кого запоминать... Его чуть не разобрал смех, когда девочка прищурилась с зеркальным выражением. Тут где сядешь, там и слезешь!

«Надо отдать ей должное, она в равной степени не может терпеть всю семью», – отметил он, наблюдая, с какой гадливостью старуха рассматривает своих невесток и внучку, как безгласно копается в тарелке. Не от этого ли удрал Пашка? И надо было им перевозить сюда эту мегеру...

Только Ромка, похоже, вызывал у бабушки нечто отдаленно напоминающее теплые чувства: Артур уловил, как бледные губы ее дрогнули подобием улыбки. Возможно, наедине Тамара общалась с внуком совсем по-человечески, хотя воображения Артура не хватало, чтобы это представить.

– Она живет с вами? – тихо спросил он Вику.

Она выпучила глаза:

– Упаси бог! Напротив – в пятиэтажке. Как по мне, так лучше бы в Керчи...

– Как ее отчество? Никогда не знал.

– Прохоровна. Сплошные «р»...

Точно услышав их, Тамара Прохоровна с достоинством сообщила Артуру:

– У меня своя квартира в соседнем доме. Трехкомнатная. Зайдешь?

«Лучше пристрелите меня прямо сейчас», – взвыл Артур про себя, хотя уже знал, что расследование может завести и

не в такую геенну...

Он улыбнулся:

– Постараюсь!

– Ты у Юрки остановишься?

Сашино существование Тамара Прохоровна упорно игнорировала. Впрочем, процесс этот явно был взаимным...

– Не хочется никого стеснять.

– Мы предлагали остановиться у нас, – ответила за всех Вика. – Но Артур попросил, чтоб мы сняли гостевой домик. Не забудьте потом ключи забрать!

– На фига вам этот гостевой домик? У нас места полно, – пробурчала Мила и привлекла внимание бабушки.

– Где то платишко? Хоть бы надела ради меня.

– Ты каждый день приходишь, не могу же я ходить только в том, что ты подарила! – отрезала Милка.

Потом, убедившись, что бабушка не смотрит, что-то шепнула Сашке, и обе скрытно хихикнули.

«Хоть бы подружились, – подумал Артур с надеждой. – Может, Сашке полегчает...»

Он уже пожалел, что привел девочку в Юркин дом. Рассчитывал отогреть Сашку, но было заметно, как ей стало тоскливо среди этих людей. Она ведь не входила в их круг и не могла войти... Впрочем, как и он сам, хоть и считался старым другом.

Артур упорно пытался различить в душе хоть слабенький отголосок былой привязанности к Юрке, с которым они ко-

гда-то облазили весь парк «Сокольники», воображая, будто выслеживают американского шпиона. Юрка даже нарисовал фоторобот, с которым они сличали ничего не подозревающих отцов семейств и одиноких бегунов. Карандашом он всегда владел куда лучше. Почему не стал художником или дизайнером? На таксистов в Евпатории большой спрос?

Он попытался представить Юрку оседлавшим раскладной стульчик на улочке, ведущей к набережной, в окружении картин, которые пользуются у курортников особым спросом. Море, белый парус на горизонте, «Ласточкино гнездо»... Нет, не его это. Угождать дурным вкусам? Не его. Хотя чем таксист свободнее? Он тоже везет куда велят.

– А Пашка-то где? – Тамара Прохоровна заметила отсутствие младшего сына.

– Скоро будет, – за всех ответил Юрий. – У него там в парке что-то...

– В парке запарка, – подхватил Ромка и бросил на Сашку косой взгляд.

Кажется, она не расслышала... Или сделала вид. Лицо его разочарованно вытянулось, и Артуру захотелось потрепать вихры мальчика, сказать, чтобы не унывал: Сашка еще та штучка, но только для чужих. Это внешнее, панцирь в шипах, а надежней друга не найдешь.

– А ты, Артурчик, надолго?

Он не терпел, когда его так называли, и не мог отделаться от ощущения, что тетя Тамара отлично знает это. Но по-

казать недовольство – это подпитать ее эго... Он ей такого удовольствия не доставит. Запас фальшивых улыбок у него неистощим...

– Хотим покататься по Крыму. Что у вас тут неподалеку?

– Поповка! – вскинулся Ромка. – Там круто! Слышали про фестиваль Казантип? Он там проходил.

– Э, ты что-то путаешь. Казантип – это мыс на Азовском море. Поэтому фестиваль так и назвали. Я участвовал в одном.

У Сашки округлились глаза:

– Ты участвовал в наркофестивале?!

Он шаловливо ухмыльнулся:

– Ну, это было почти двадцать лет назад. Были и мы рысаками! К тому же официально это был рейв-фестиваль.

– Почему я не знал? – возмутился Юрий.

Кусочек зелени прилип к уголку его рта, печально скрипив его. Артуру хотелось убрать ее, но рядом с Юрием сидела его жена, ей было сподручней это сделать. Только Вика не обращала внимания.

«Печальный Пьеро, – сравнил Артур. – Какой ему Казантип...»

– Ты все равно не поехал бы, – сказал он. – Вот Пашка, пожалуй, рванул бы со мной...

– Ого! Вот какого ты обо мне мнения?

Рассмеявшись, Вика накрыла ладонью руку мужа:

– Дурачок, он же сделал тебе комплимент. Ты у нас чело-

век морально устойчивый. Я это ценю.

Ромка помахал вилкой:

– Эй, народ! Я должен объяснить: это сначала фестиваль был на Азовском. Потом у нас... А теперь его вообще прикрыли.

– Ну и ладно. На Розовое озеро надо съездить, – предложила Вика.

– Это не фотошоп? – заинтересовалась Сашка. – Я видела в инете. Оно действительно розовое?

Мила схватила ее за руку:

– Ой, оно суперское! Возьмите меня, если поедете.

– Если поедем, – отозвался Артур.

В Сашкином лице он не обнаружил восторга. Вряд ли ее воодушевило знакомство с девчонкой младше себя. Только Мила этого еще не прочувствовала. Бросив салфетку, которой наскоро вытерла губы, она вскочила из-за стола:

– Мам, мы пойдем?

Артуру показалось, что в Сашкиных глазах пульсирует тревожный сигнал «Help!». Он сделал вид, будто не заметил этого, заговорил с Юрой, решив про себя: «Ничего-ничего, ей на пользу пообщаться с ребятами. Они ее расшевелият».

Пробормотав скороговоркой: «Спасибобольшоеочень-вкусно», Ромка рванулся за девочками следом, но Артур заметил, как он вскользь погладил мать по плечу. Поддержку выразил? Или извинился, что бросает ее?

Его потянуло набросать список вопросов: «Как Юрка

с Викой относятся к Пашкиной жене? Светлана все молчит... Чувствует себя виноватой в чем-то? Или по жизни такая? Если так, то Пашке было с ней невесело, он же шустрый... Опять же, бросил Москву ради этой женщины! Большая любовь? Сын тоже ее любит, это очевидно. Может, она замкнулась в своем страдании? Боится за мужа?»

Тягучий голос Тамары Прохоровны вернул его к реальности:

– Артурчик, ты бы зашел ко мне... Своей наливочкой угощу.

Он рассмеялся:

– Чертовски заманчиво! Загляну как-нибудь.

– Загляни-загляни, не пожалеешь.

Ему показалось или она намекала на что-то?

Было бы проще разобраться в ситуации, если бы Юрка не собрал сразу все семейство, а поговорил с ним с глазу на глаз. Но, с другой стороны, он поступил разумно: не свою точку зрения навязал, а предоставил Артуру возможность самому составить картину. Это наводило на мысль, что Юрий не замешан в исчезновении брата, если оно не добровольное. Но Артур не спешил делать выводы: такой ход может скрывать тонкий расчет, чтобы отвести от себя подозрения.

В этой компании он не доверял никому. Кроме Сашки.



С этими двумя я чувствовала себя, точно агент под прикрытием, вынужденный мимикрировать под окружающую среду.

Когда я перестала быть подростком? Еще при маме, наверное, как раз потому, что она была моим лучшим другом... Теперь им стал Артур. И оба они были взрослыми людьми, поэтому и я чувствовала себя таковой.

Мы рассуждали о серьезных вещах, я читала книги, которые любила мама, мы вместе смотрели фильмы, над которыми можно было подумать... Среди ровесников я не нашла человека, с которым мне было так же интересно и хорошо. В школе я казалась себе голым Маугли в стае гиен, к которым он не хочет приспособливаться, потому что вырос волком. И меня слегка побаивались, словно ощущали то же самое – я только похожа на человека. Никто никогда не трогал меня, но и дружить мне было не с кем.

А эти двоюродные брат с сестрой еще не поняли, что я из себя представляю. Их сбило с толку то, что со стороны я выглядела совсем девчонкой – с моими-то ростом и худобой! И Ромка вообразил, будто может подкатить ко мне... Иначе зачем увязался с нами? Не ради Милы же...

Она рассмешила меня, решив поразить наготой чернокожего Геракла, возлежащего у входа на городской пляж. Хи-

хикая, как дурочка, предложила:

- Хочешь сфоткаю тебя с ним?
- Я не люблю фотографироваться.
- Да ладно? И что ты вообще постишь тогда?
- Ничего. Я не веду соцсети.
- Даже ТикТок?
- Фу... За кого ты меня принимаешь?!

Это чуть не сбило Милу с ног, но у нее оставалась последняя надежда:

- ВКонтакте?

После истории с Умником? О нет! Я удалила свою страничку, едва вернувшись домой...

- Не верю, – произнесла она трагическим голосом.
- Я уникам.
- Ты душила!
- Знаю.

Отчасти она была права, но я никого не пыталась обратить в свою веру. Им нравилось барахтаться во Всемирной паутине, как мухам, чьи лапки увязли так, что не вырваться. А мне... Я даже не могла сказать, что же теперь мне нравилось. Прямо сейчас хотелось остаться с морем наедине, а эти двое здорово мешали. Впрочем, как и еще сотни отдыхающих. Городской пляж – не то место, где можно пошептаться с тем, к кому ты приехала.

С любопытством заглянув мне в лицо, Ромка ухмыльнулся, убедившись, что я абсолютно серьезна:

– Ну и правильно. Фигня все эти ваши соцсети.

Ему так хотелось понравиться мне, что стало даже жаль его... Одноглазый Никита Ивашин, который был стажером у Артура, вызывал похожее сострадание. Может, я вообще способна только на материнское отношение к мужчинам? Даже Артур, хоть он и старше меня в два раза, вызывает желание лишь побаюкать и утешить...

Но и Милу мне тоже стало жаль. Ее хорошенькое личико так страдальчески скривилось:

– А что же ты любишь?

Я вздохнула:

– Читать.

Обычно такой ответ вызывает недоумение: «Ой, ты серьезно? Отстой!» Но Мила неожиданно просияла:

– Тогда я знаю, куда нам сходить!

Она потащила меня куда-то, все дальше уводя от моря, с которым мы так и не поздоровались, но вырваться я и не подумала. Мне уже пришло в голову, что это правильно: только Артур имеет право присутствовать на нашей встрече с морем. Его мне нечего стесняться, он мне ближе, чем отец. Я попрошу Артура увезти меня за город, на какой-нибудь пустынный берег, где мы останемся вдвоем – я, он и море. Только в этом единстве возникнет та гармония, которой я ищу...

Ромка, конечно же, увязался за нами. Болтая ни о чем, мы шли какими-то узкими улочками, пропахшими лепешка-

ми, кофе и вареной кукурузой. По тротуарам, испачканным чернильными пятнами шелковицы, безжалостно раздавленной курортниками. А вокруг на каменных приступочках и просто на прогретом асфальте возлежали прекрасные в своем высокомерии узкомордые крымские кошки разных расцветок. Мне хотелось бы вытянуться рядом с одной из них на теплых камнях, закрыть глаза и слушать, как жизнь течет мимо, слегка волнуя звуками шагов и обрывками фраз.

Мне всегда нравилось просто наблюдать за людьми, пытаюсь проникнуть в их шкуру, угодить в их мир, испытать то, что они чувствуют. Наверное, придуманное мной не имело ничего общего с реальной жизнью прохожих, но это неважно. Разве писатель не поступает точно так же, заимствуя внешность прототипа героя и полностью придумывая его судьбу? Хоть кто-нибудь из этих людей узнал бы себя в персонаже книги без портретного описания?

– И тут мой бывший из школьного туалета вырывается! – не умолкал голосок Милы. – Увидел меня – чуть в обморок не грохнулся. А я такая: «Попался, мазафака!»

Сатанинский басовитый хохот заставил меня очнуться и даже рассмеяться – так забавно это вышло у Милы.

Я не спрашивала, куда она ведет меня, но когда увидела перед собой литературное кафе имени Анны Ахматовой, то сразу поняла, что ожидала чего-то подобного.

– Вот! – Мила взмахнула рукой с таким гордым видом, точно была хозяйкой этого заведения. – Ты-то уж точно зна-

ешь, кто такая Ахматова.

– А есть такие, кто не знает? – не поверила я.

– Полно! Пойдем?

Я спохватилась:

– У меня нет с собой денег. Я думала, мы просто побродим...

– Об этом не волнуйся, – заверил Ромка.

Было заметно, как его обрадовала возможность оказать мне покровительство. Ну, купить мне кофе я могла ему позволить, почему бы и нет?

– Наш богатенький Буратинко, – пропела Мила, с нежностью глядя на брата. – Храни тебя Бог!

– А пароль вы знаете?

Они уставились на меня:

– Какой пароль?

– Ты о чем вообще?

– О стихах Ахматовой, – я смотрела на них с таким видом, словно это они несли чушь. – Здесь же на входе надо прочесть хотя бы четверостишие.

Два доверчивых дурачка – они озадаченно переглянулись. Ромка пристыженно пробормотал:

– Я вообще ее не читал...

Мила явно могла бы сказать то же самое, но она сохранила лицо:

– А я не помню наизусть.

– Ладно, – вздохнула я. – Придется отдуваться за троих.

За столиками у кафе сидели люди, но мне было плевать на них. Это была для меня своего рода разминка: нам с Артуром предстояло распутывать новое дело, и мне точно опять придется надевать маску, играть какую-то роль, как в прошлый раз в цветочных магазинах... Почему бы не потренироваться?

И я начала читать в полный голос. Сначала «Я научилась просто, мудро жить...», потом «К стихам» и в итоге добралась до своего любимого.

Бухты изрезали низкий берег,  
Все паруса убежали в море,  
А я сушила соленую косу  
За версту от земли на плоском камне.  
Ко мне приплывала зеленая рыба,  
Ко мне прилетала белая чайка,  
А я была дерзкой, злой и веселой  
И вовсе не знала, что это – счастье...

Никому не обязательно было знать, что это был мой привет той, ради кого я приехала в Евпаторию, мой воздушный поцелуй. Люди за столиками перестали жевать и слушали меня – сперва с недоумением на лицах, потом все больше оттаивая и обмякая. Они начали улыбаться, а взгляды красивых загорелых женщин наполнились грустной мечтательностью.

Мила тоже слушала меня, прижавшись спиной к дереву и

завороченно приоткрыв рот. Она была такой трогательной и милой, в полной гармонии со своим именем, что я простила ей всю ерунду, которую она несла сегодня...

И только Ромка неожиданно часто заморгал, отвернулся, а потом и вовсе пошел куда-то по улице, опустив голову. Но я все же дочитала тот фрагмент, который помнила, получила аплодисменты и лишь тогда спросила:

– Что это с ним?

Мила вздохнула:

– Это не из-за тебя... Знаешь, я думаю, его папа не просто так пропал. Он, наверное, сбежал от них... Они же с тетей Светой подали на развод. Только странно, что дядя Паша его не дождался...

Я еле удержалась от того, чтобы тут же не позвонить Артуру. Эта информация стала главным результатом этой прогулки, больше не казавшейся мне бессмысленной.

– Ты классно читаешь стихи, – одобрила Мила.

– Я с шести лет на сцене...

– Вау! А я думала, что сама пишешь.

Мои литературные попытки не стоило и упоминать, поэтому я ответила:

– Нет. Не дано.

Мила вздохнула:

– Мне тоже. А моя мама пишет! Правда, никому не читает.

– Только тебе?

– Не... Мне тоже не читает.

– Откуда же ты знаешь?

Воровато оглянувшись, она сделала большие глаза:

– Я случайно у нее в комоде тетрадку нашла. Прикинь, она ручкой пишет! Не в компе...

– И ты прочитала?

– Ну... заглянула. А ты удержалась бы?

Я подумала, что мама прочла бы мне свои стихи, если бы писала. Мне хотелось так думать. А если нет? Вдруг в ее жизни существовали тайны даже от меня? До сих пор я так и не решилась притронуться к ее вещам... Вдруг там скрываются такие секреты, после открытия которых мой мир перевернется с ног на голову? Может, лучше и не рисковать...

А в литературном кафе, кстати, не оказалось ни одной книги! Ни ахматовской, ни любой другой. Это как, а? Я была просто оскорблена.

\* \* \*

В небе проснулись первые звезды. Они лениво жмурились, поглядывая на свои отражения, купающиеся в мелких волнах, до которых я не доплыла. Закрывая глаза, я представляла, о чем могло бы нашептать мне ночное море, если б мы остались наедине. Две восхитительные стихии: космос и океан, по моим меркам – бездонные, и маленький человек между ними.



Я легла бы на мягко поднимающуюся грудь влажной стихии и слушала бы музыку сфер, в которой величественный орган сменяется прозрачной флейтой, а пронзительные звуки скрипок – томной виолончелью. Почему мне никогда не хотелось научиться играть самой? Наверное, я всегда слишком хорошо понимала свою мизерность в сравнении с музыкой – третьей стихией, свободной от начала и конца. Каждый из нас рождается в мире звуков и, если повезет, слышит их до последнего вздоха. Не всегда они гармоничны, но это музыка мира, она такова... каков он сам.

В тишину моих мыслей внезапно просочились шаги. Едва различимые, крадущиеся...

Оторвав взгляд от быстро темнеющего моря, на которое смотрела из окна, я обернулась: Ромка с Милой стояли в нескольких метрах от меня – он растолковывал ей, как хочет разрисовать одну из стен в замке Фионы, куда они притащили меня. Разумеется, он находился в Парке монстров, который Ромка считал себя просто обязанным продемонстрировать мне в первый же вечер.

Их парк оказался довольно вместительным, а сам замок выглядел немаленьким. Вполне себе такой светлостенный особняк с готическими сиреневыми шпилями и узкими бойницами окон. Правда, застекленных вполне современными стеклопакетами...

– Там еще ремонт не закончен, – смутился он, когда Милка потащила нас к замку. – Строительный мусор и вообще

всякая фигня валяется. Может, не стоит сейчас? Я приберусь малость...

Мила скорчила гримасу:

– Ой, я тебя умоляю! Ты еще сто лет там будешь порядок наводить... А Саша же не вечно тут жить будет!

И я поддержала ее, ведь мне действительно было интересно оказаться внутри замка.

Конечно, его стены были сложены не из громоздких камней, как это было принято в Средние века, думаю, зимой здесь было холодновато. Но кто в Крыму берет в расчет месяцы, когда нет отдыхающих? Лето – вот единственное время жизни, реализации планов и мечтаний, заработка, любви... Вневременье, вроде весны и осени, пристегивается к нему, подчиняется ему, работает на него. Никто и слышать не хочет о зиме!

А я сейчас слышала шаги... Явственно слышала.

Но, похоже, только я, потому что Ромка даже головы не повернул, а Мила так и сыпала идеями, как можно раскрасить стену, поэтому не различила бы и топота настоящего Шрека. Может, это болтался по замку кто-то из аниматоров? Или рабочие завершали свои дела? Скорее всего, вообще не стоило напрягаться, но я помнила, что Ромка сказал, когда отпер ворота:

– Сейчас тут уже никого нет. Весь парк в нашем распоряжении!

Кто же тогда здесь бродит, черт возьми?!

– У тебя тут бомжи не ночуют?

Ромка уставился на меня с таким непониманием, что ответ уже и не требовался. Я указала большим пальцем:

– Там кто-то ходит...

Теперь они оба воззрились на меня с изумлением. Сменив большой палец на указательный, я приложила его к губам, заставив их притихнуть. Они замерли, наострив уши, и замок тоже притих, поглотив все звуки. Если кто-то и пробрался сюда, то он замер за стеной, встревоженный тишиной, от которой у меня зазвенело в ушах.

Этот человек слышал нас. Где он находился, на одном этаже с нами или наверху, я не успела различить... Вряд ли внизу, иначе я не расслышала бы шагов.

– Из чего стены?

Ромка захлопал ресницами, но быстро сообразил, о чем я. Посмотрел на стену, точно на ней висел ярлык, потом выдохнул с легким присвистом:

– Сип-панели.

– Слышимость офигенная...

– В этом весь смысл, – пояснил он шепотом. – Мы здесь всякие квесты проводим. Иногда страшилки устраиваем: из-за стены доносятся завывания...

– Стоны, вопли, – подхватила Мила и опять прислушалась. – Но сейчас ничего нет. Ты же не включал аппаратуру?

– Зачем?

– Блин, ты как еврей! Отвечаешь вопросом на вопрос...

И так всегда, — пожаловалась она мне.

— Тише, — остановила я обоих. — Мне не почудилось. Там кто-то есть...

Кивнув, Ромка двинулся к старомодному буфету и сунул руку в щель за его задней стенкой. Я подумала, что там кнопка сигнализации и он хочет вызвать подмогу, но Ромка вытащил из-за буфета здоровый кинжал со слегка изогнутым лезвием.

— На всякий случай, — пояснил он, заметив, как мы на него смотрим.

Он первым двинулся к выходу из комнаты, я пошла за ним, а Милка, ухватив меня за руку, чуть подотстала, хотя, как по мне, замыкать процессию ничуть не безопаснее. Мы двигались, как ломаная змея или как дети, играющие в извивающийся ручеек. Со стен на нас с удивлением взирали гипсовые летучие мыши и нарисованные пауки, затянувшие темные углы тончайшими кружевами. Ромка с отцом потрудились тут на славу! И мусора особого нигде не было.

За поворотом узкого коридора нас встретил прикованный к стене скелет. Ребята на него и не взглянули, а у меня екнуло сердце... А вот живых видно не было.

— Давайте поделимся? — шепотом предложил Ромка. — Каждому по этажу. Пробежимся по-быстрому.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.